

Гр. Чалхушьянъ.

ИДЕАЛЫ
ФРАНЦУЗСКОЙ АДВОКАТУРЫ.

С -ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Бермана и Рабьяновича Немайл. пр., 7.
1891.

Идеалы французской адвокатуры.

(Посвящается В. Д. Спасовичу).

«Нѣтъ болѣе благородной профес-
«сiи, чѣмъ профессiя адвоката, но
«и нѣтъ другой, болѣе трудной; она
«требуетъ въ одно время и харак-
«тера, и таланта.

«Истинный адвокатъ долженъ сое-
«динять въ себѣ качества самыя
«противоположныя; ему нужны и
«здравый смыслъ, и воображенiе, и
«сердце: человекъ слова и человекъ
«дѣла, онъ долженъ быть отваженъ,
«добръ и безкорыстенъ».

«Кто-бы дерзнулъ вообразить,
«что опъ истинный адвокатъ?»

Ш. Л а ш о.

Нигдѣ,—если не считать, разумѣется, древняго міра, — ораторское искусство, этотъ „даръ *поучать, нравиться и трогать*“, не было доведено до такого блеска и совершенства, какъ во Франціи. Здѣсь развитію этого благороднаго искусства болѣе всего способствовала адвокатура, многіе представители которой, благодаря своему уму и краснорѣчію, прославились настолько, что правительство не разъ призывало ихъ на первыя въ государствѣ должности, и вчерашній адвокатъ дѣлался сегодня министромъ или посломъ.

Судебное краснорѣчіе достигло во Франціи апогея своего развитія, но, увы, уже начинаеть блѣднѣть, слабѣть и падать. Мирабо, Жервье, Беррье, Ліувилль, Палье, Бетмонъ, Гранпьерре, Порталісъ, Дюенъ старшій, Филлинь Дюенъ, Шэ д'Есть Аньжъ, Марп, Жюль Фавръ, Лапш, Гамбетта,—эта блестящая плеяда первоклассныхъ ораторовъ не оставила послѣ себя достойныхъ подражателей, и славная су-

дебная трибуна какъ-то оспротѣла... Быть можетъ, но этой именно причинѣ теперь болѣе, чѣмъ когда либо, тщательно и добросовѣстно собираются и издаются рѣчи, произнесенныя этими великими мастерами публичнаго слова.

Само собою разумѣется, такіа изданія рѣчей далеко не удовлетворяютъ понимающихъ и мыслящихъ людей: оратора надо слушать, когда онъ говоритъ; его дикція, его голосъ, гармоничный и убѣдительный, то пріятно ласкающій слухъ, то, какъ громовыя раскаты, бросающій въ дрожь и трепеть, его жесты, то негодующіе, то умоляющіе и всегда полные достоинства, многозначительныя паузы, иногда говорящія болѣе словъ, мимика, выражающая то гнѣвъ и негодованіе, то радость и счастье, то умиленіе и признательность, — вся эта квинтъ-эссенція краснорѣчія, столь обаятельная для очарованныхъ слушателей, съ послѣднимъ словомъ, съ послѣдними звуками зампрающаго голоса безслѣдно и навсегда пронадасть и не можетъ уже болѣе быть воспроизведена ни на словахъ, ни въ письмѣ.

Тѣмъ не менѣе, никто не станетъ отрицать громаднаго поучительнаго значенія и всей важности для потомства изданія рѣчей первоклассныхъ ораторовъ, рѣчей, от-

мѣченныхъ печатью мощнаго ума, глубокой логики, поразительной послѣдовательности и добросовѣстнаго изученія дѣла, — качествъ, столь цѣнныхъ, необходимыхъ и столь достойныхъ подражанія.

Французскіе ораторы пользовались и пользуются особыми симпатіями русской публики. Судебныя рѣчи Беррье, Жюля Фавра, Ланю и другихъ переводились и помѣщались не разъ въ нашихъ газетахъ и журналахъ въ особенности въ 60 и 70-ыхъ годахъ. Наконецъ, въ 1888 году вышла книга присяжн. повѣр. Алексѣя Шмакова „Судебныя ораторы во Франціи“, которая, несмотря на неудовлетворительность перевода, читается съ большимъ интересомъ.

Всѣ рѣчи, какія только переводились до сихъ поръ, исключительно вызваны различными, болѣе или менѣе громкими процессами, въ свое время надѣлавшими много шума и получившими большую извѣстность.

Между тѣмъ рядомъ съ этими рѣчами есть другія, незамѣченныя печатью, неизвѣстныя даже французской публикѣ и сказанныя не въ торжественномъ и блестящемъ засѣданіи суда, въ защиту чести, жизни или интересовъ частныхъ лицъ, а при гораздо болѣе скромной, простой обстановкѣ, — въ типѣ товарищескаго собранія адво

катовъ. Онѣ не прерывались оглушительными аплодисментами легко увлекающейся толпы и, тѣмъ не менѣе, по краспорѣчию и глубинѣ мысли, онѣ выше первыхъ рѣчей, а по значенію, въ особенности для адвокатовъ, далеко превосходятъ ихъ. Я разумѣю рѣчи старшинъ (bâtonniers), произнесенныя въ собраніи стажеровъ (stagiaires — помощники присяжнаго повѣреннаго).

Въ этихъ рѣчахъ выступаютъ идеалы французской адвокатуры, идеалы высокіе, чистые, свѣтлые, усвоить себѣ, подражать и слѣдовать которымъ долженъ всякій адвокатъ, считающій свое званіе благородной профессіей, а не жалкимъ, продажнымъ ремесломъ, себя — служителемъ правосудія, а не наемнымъ фигляркомъ. Въ общихъ и главныхъ чертахъ институтъ нашихъ присяжныхъ повѣренныхъ вполне походитъ на институтъ avocats во Франціи, послужившій ему первоначальнымъ образцомъ; помощники присяжныхъ повѣренныхъ въ сущности тѣ-же французскіе стажеры. Весьма понятно, поэтому, что рѣчи bâtonniers представляютъ большой интересъ для нашей присяжной адвокатуры и въ особенности для нашихъ провинциальныхъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые вдали отъ Совѣтовъ, нередко лишены

необходимой поддержки своихъ патроновъ, — съ которыми у нихъ связь часто лишь номинальная, случайная и слабая, — не зная ни традицій, ни задачъ, ни идеаловъ адвокатуры, легко могутъ споткнуться на первыхъ же шагахъ.

Итакъ, идеалы французской адвокатуры должны служить и нашими идеалами, а сводятся они къ нѣсколькимъ простымъ, но сильнымъ и живучимъ принципамъ: *безграничная любовь къ труду, суровое и строгое исполненіе долга, уваженіе къ истинѣ, безкорыстіе и честность, какъ основы всей дѣятельности, наконецъ, чувство солидарности, сплоченія и тѣснаго братства.* Таковы великія начала, на которыя такъ убѣдительно указываютъ старшины и съ которыми мы подробнѣе ознакомимся изъ ихъ рѣчей.

Въ нашъ развращенный и матеріалистическій вѣкъ достиженіе чистыхъ и высокихъ идеаловъ французской адвокатуры, правда, трудно, но не невозможно. Какое бы ничтожество представлялъ изъ себя человекъ, если бы онъ не старался и не надѣялся стать выше самого себя! Тѣмъ же, которые назовутъ эти идеалы иллюзіями и пустыми мечтами больного воображенія, мы напомнимъ слова одного великаго оратора, несравненнаго Жюль Фавра: — „Правда,

меня часто упрекали, что я увлекаюсь иллюзіями; вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ эти иллюзіи продолжаются и я смотрю на нихъ, какъ на истинны; я не много потерялъ отъ того, и теперь я прошу одного— оставить ихъ въ наслѣдіе тѣмъ, которые придутъ послѣ меня и за мною“.

Желая избѣгнуть излишнихъ повтореній, мы остановились на рѣчахъ двухъ извѣстнѣйшихъ старшинъ: ШЭ д'Есть Анжа и Жюля Фавра.

Читая и пересчитывая ихъ, съ трудомъ вѣришь, чтобы онѣ могли быть произнесены частью тридцать лѣтъ, частью же полстолѣтія тому назадъ; такъ и кажется, что онѣ сказаны недавно, много-много годъ — два тому назадъ. Это значитъ, что идеалы французской адвокатуры устойчивы, живучи, не зависятъ отъ обстоятельствъ и времени и могутъ всецѣло служить и нашимъ идеаламъ; это значитъ, что есть вещи, достоинство которыхъ въ томъ именно и заключается, что онѣ никогда не изнашиваются, не старѣются, и объ этихъ рѣчахъ, послужившихъ яркими путеводными звѣздами для нѣсколькихъ поколѣній avocats, можно сказать тоже, что великій поэтъ Германіи сказалъ о любви: „Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu...“

Шэ д'Есть Анжъ.

(1842—1844 гг.).

26 Ноября 1842 года, избранный, 40 лѣтъ отъ роду, на весьма почетную во Франціи должность старшины присяжныхъ повѣренныхъ Парижскаго округа, Шэ д'Есть Анжъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Подумайте хорошо и знайте навсегда, что не слабыми занятіями и не легкой подготовкой вы можете занять достойное мѣсто среди адвокатовъ...

Кто изъ васъ не сознастъ необходимости серьезнаго и глубокаго труда? Вы понимаете, конечно, что если свойство вашей профессіи освобождаетъ васъ отъ всякой отвѣтственности, если никто не можетъ требовать отъ васъ формальнаго отчета о мудрости вашихъ совѣтовъ и о достоинствахъ вашихъ рѣчей, за то вы несете громадную моральную отвѣтственность. Ваша совѣсть была бы вамъ жестокимъ судьей, еслибы она васъ упрекала въ томъ, что вы легко

пустились въ серьезныя пренія, не соразмѣривъ тяжести своей задачи со своими силами и если бы вы вышли когда либо изъ суда съ непріятнымъ убѣжденіемъ, что для успѣха вамъ не доставало труда и что вы своей слабостью нанесли ущербъ состоянію семьи или чести гражданина.

Поэтому, вѣрьте мнѣ: или оставьте тотчасъ-же эту трудную карьеру, довольствуясь, если вы этого желаете, однимъ пустымъ званіемъ, которое покроетъ въ обществѣ неизвѣстность вашего имени, или же вооружитесь энергіей, чтобы совершенствоваться въ вашей профессіи, слѣдуя за ней твердымъ рѣшительнымъ шагомъ и приготовляясь неослабно и упорно къ этимъ серьезнымъ преніямъ, къ этой настоящей борьбѣ, гдѣ вы, когда настанетъ часъ, должны подъ страхомъ отвѣтственности стараться о торжествѣ своего слова.

Прежде, по крайней мѣрѣ, адвокатъ не одинъ несетъ отвѣтственность за веденіе и исходъ дѣла. Было какъ бы два различныхъ класса адвокатовъ. Однихъ въ особенностяхъ шли судебныя пренія. Одаренные быстрымъ умомъ и краснорѣчіемъ, щадя свои силы для рѣдкихъ и торжественныхъ случаевъ, они шли въ судъ воспламенять убѣжденія судьи и говорить жестами и голосомъ его уму и сердцу.

Такъ, традиціи, которыя день ото дня все изглаживаются и отъ которыхъ вскорѣ не останется болѣе живыхъ свидѣтельствъ, указываютъ намъ на Жервье, подъ вліяніемъ могучаго вдохновенія оставляющаго отвѣденное для повѣренныхъ мѣсто и выходящаго на среднюю большой залы засѣданія къ подножію суда, какъ бы въ желаніи подняться до скамьи судей, чтобы вблизи внушить имъ весь авторитетъ своего слова и всю мощь своего убѣжденія. Да, то были триумфы адвокатуры, то были великіе дни ея силы и славы!

Однако, на ряду съ адвокатами, одаренными всѣми качествами оратора, были другіе, достигавшіе трудомъ менѣе блестящихъ, но столь-же прочныхъ успѣховъ. Они избѣгали блеска общества, шума засѣданія, волненія борьбы... Въ уединеніи своего кабинета, проводя время въ чтеніи великихъ умовъ наукъ, они для каждаго даннаго случая освѣщали принципы и источники права, устанавливая твердой рукой основанія для словесныхъ преній и въ писаніяхъ, пережившихъ вызвавшіе ихъ процессы и даже законодательство, послужившее имъ основаніемъ, они подготавливали одновременно и рѣчь адвоката, и рѣшеніе судьи...

Но теперь, какъ ни быстро увлсающее

насъ теченіе, какъ ни многочисленны дѣла, которыя насъ поглощаютъ и пожираютъ такъ быстро нашу жизнь, адвокатъ почти всегда предоставленъ самому себѣ; ученая подготовка и глубокія изысканія, которыя помогали нашимъ предшественникамъ, къ несчастью недостають намъ, и судьба процесса предоставлена лишь адвокату, который введетъ дѣло.

Поэтому адвокатъ долженъ посвятить время и пылъ своей молодости серьезнымъ занятіямъ и упорному труду. Не среди требованій профессіи и не тогда, когда ежедневно какое нибудь новое дѣло поглощаетъ его досугъ и всѣ его заботы, адвокатъ сдумѣетъ предаться систематическому научному труду, чтобы дополнить свои юридическія познанія. Въ началѣ карьеры, въ эпоху спокойнаго и свободнаго труда, нынѣ открывающуюся предъ вами; въ теченіе этого необходимаго перехода, раздѣляющаго трудолюбиваго студента отъ занятаго адвоката, — вотъ когда вы можете добровольно или броситься во всѣ развлеченія свѣта, или подготовить трудомъ свою будущность и свою славу.

Конечно, есть легкомысленные люди, которые, желая удобно оправдать свою лѣнь и свое невѣжество, въ принципѣ утверждаютъ, что юриспруденція не требуетъ об-

ширнаго изученія: развѣ ученіе о правѣ, говорятъ они, освобожденное наконецъ отъ пустыхъ мудрствованій и безполезныхъ вопросовъ, не резюмировано цѣлкомъ въ нашихъ кодексахъ? Развѣ не изученіемъ и знаніемъ послѣднихъ долженъ ограничиться теперь трудъ юрисконсульта? Мои дорогие сотоварищи, не допускайте себя увлекаться такими иллюзіями.. Для того, чтобы знать и понимать законъ, достаточно развѣ знать его текстъ? И не слѣдуетъ ли, наоборотъ, проникать въ его разумъ, отыскивая его источникъ и при помощи философскаго принципа, даваго ему жизнь, открывать всѣ приложения, какія только онъ допускаетъ? Только такимъ путемъ вы найдете настоящій смыслъ всякаго законоположенія и опредѣлите его объемъ и границы.

Наконецъ, труды, подготовлявшіе редакцію нашихъ кодексовъ, правда, изумительны, и однако, каждый день мы открываемъ въ нихъ несовершенства и пробѣлы: это значитъ, что безпрестанно возникаютъ новыя потребности, удовлетворить и регулировать которыя не можетъ существующее законодательство“.

Затѣмъ Шэ д'Есть Анжъ, указавъ на теорію образованія *Code Napoléon* и на нѣкоторыя въ немъ пробѣлы, продолжаетъ:

„Итакъ, поймите, мои дорогіе сотоварищи, вы, которые входите въ эту карьеру и которые ищете въ ней богатства и славы, поймите хорошо все значеніе вашей миссіи и всю важность труда, возлагаемаго сю на васъ. Отрѣшитесь разъ навсегда отъ вашихъ иллюзій, если вы надѣетесь найти въ адвокатурѣ болѣе быстрые и болѣе легкіе усилѣхи, оттого, что мы пользуемся писанными законами, изученіе которыхъ не представляетъ собою серьезныхъ затрудненій. Рядомъ съ этимъ законодательствомъ, установившимъ главные и простые принципы права, новая наука, еще робкая и нерѣшительная, открываетъ предъ вами широкое поле для занятій;—политическая экономія, ознакомляя васъ съ источниками народнаго богатства и съ вѣчно новыми потребностями промышленности, выяснитъ вамъ причины бѣдствій и несчастій чело-вѣчества, указавъ на лекарства, которые законъ или юриспруденція могутъ дать. Такая работа, само собою разумѣется, не будетъ неблагодарной и безплодной. Въ то время какъ вы увеличите кругъ вашихъ знаній, вы расширите также область вашей профессіи, проливъ свѣтъ на тѣ вопросы, теперь столь многочисленные и столь трудные, относительно которыхъ законъ нѣмъ, а юриспруденція нерѣшительна.

Итакъ, если вы чувствуете мужество предаться этой трудной работѣ и исполнить эту миссію, — впередъ и безъ страха! Успѣхъ, — будьте увѣрены, — увѣнчаетъ ваши усилія. Не слушайте жалобъ и сѣтованій людей, злящихся на свою профессію потому, что она не оправдала ихъ безумныхъ надеждъ, и проклинающихъ ее за то, что она не расточила имъ для мотовства высшихъ наградъ, которыя она бережетъ лишь для труда *)“.

Болѣе замѣчательна рѣчь Шэ д'Есть Анжа, сказанная 2 Декабря 1843 г. Здѣсь знаменитый ораторъ говоритъ о *достоинствѣ и значеніи адвокатуры, о ея обязанностяхъ какъ по отношенію къ товарищамъ, такъ и къ кліентамъ, о свободѣ слова и мужествѣ, о выборѣ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ и, наконецъ, о значеніи дисциплинарной власти Совѣта.*

Упомянувъ въ началѣ ея, что „литература есть сестра адвокатуры“, Шэ д'Есть Анжъ пользуется случаемъ, чтобы преподать „нѣсколько полезныхъ совѣтовъ, нѣсколько практическихъ истинъ, могущихъ выяснитъ воочію, во всемъ блескѣ, чистоту нашихъ принциповъ и быть можетъ способныхъ также заставить общество отно-

*) р. 227—236, Discours et Plaidoyers de M. Chaix d'Est-Ange par Constant. Paris 1887 T. I.

ситься справедливѣе къ достоинству нашего званія“. Достоинство! восклицаетъ старшина. „Говоря это, я знаю, чѣмъ я рпскую.

Теперь мода нѣкоторыхъ невѣжественныхъ и легкомысленныхъ людей нападать на адвокатуру, упражняясь противъ нея въ пскусной полемикѣ. Для подобныхъ людей профессія, къ покровительству которой они обращаются каждый въ свою очередь, и которой они ввѣряютъ то свое состояніе, то свою честь, профессія, заслужившая похвалы столькихъ славныхъ писателей и знаменитыхъ государственныхъ людей, служитъ предметомъ сарказма и насмѣшекъ; и даже иногда умы серьезные спрашиваютъ себя, не увлекаются ли адвокаты пустымъ притворствомъ и ложной претензіей, когда они говорятъ о достоинствѣ своей профессіи.

Пусть не заблуждаются мои дорогіе со-товарищи: по моему, не въ званіи адвоката заключается его достоинство и не въ его правахъ и прерогативахъ, но въ суровости и въ объемѣ обязанностей, которыя на насъ налагаются и о которыхъ я желаю вамъ напомнить....

Не слѣдуетъ ли прежде всего сказать объ обязанностяхъ сотоварищества?

Тогда какъ личное ослѣпленіе побуждало бы тяжущихся, увлекающихся мелкими страстями, употреблять разныя плутни, на-

16 6228

ходя хорошими всякія средства, — адвокаты, эти безпристрастные свидѣтели борьбы, въ которую ихъ призываютъ, заранее опредѣляютъ условія этой борьбы, чѣмъ гарантируютъ ее честность. Обязанные сообщать другъ другу свои документы безъ всякаго изытія, они взаимно такимъ образомъ представляютъ другъ друга; каждый, имѣя подъ глазами всѣ данныя процесса, можетъ съ самаго начала быть первымъ судьей дѣла, за которое онъ взялся, и права, которое онъ взялся отстаивать. Иногда среди этихъ сообщеній, иногда въ интимныхъ разговорахъ, предшествующихъ засѣданію суда, адвокаты обмѣниваются между собою примирительными словами и, рассчитывая вмѣстѣ возможные шансы процесса, изучая ближе слабыя его стороны, дѣлятся другъ съ другомъ своими соображеніями. Но разъ однако, миролюбивыя попытки остались безуспѣшны, память о нихъ должна быть совершенно уничтожена, и предъ судьей, въ засѣданіи ли суда или внѣ его, ни одно слово, ни одинъ намекъ не должны выдать ненарушаемаго секрета.

Когда же день преній наступаетъ, и страсти, временно успокоенныя, разгораются вновь, мы, представители противоположныхъ интересовъ, должны для защиты ихъ наперечь всѣ силы нашего ума,

весь пылъ нашихъ убѣжденій; но остережемся, чтобы среди жаркихъ преній и увлеченій импровизаціей, изъ устъ нашихъ не вылетѣло слово, могущее оскорбить противника и измѣнить тѣ добрыя отношенія, на которыхъ покоится наше сотоварищество. И въ самомъ дѣлѣ, эта совмѣстная товарищеская жизнь, полная тревоженій, эти постоянныя превратности страстныхъ преній,—во что бы обратилось все это, если бы гнѣвъ замѣнилъ усердіе, если бы къ доказательствамъ дѣла могли быть примѣшаны личные нападки, если бы нужно было остаться навсегда врагами вмѣсто того, чтобы на нѣкоторое время быть противниками?

Но не только при веденіи процесса или въ рѣчи на судѣ чувство сотоварищества не должно быть заглушаемо. Среди суматохи жизни, когда всѣ карьеры такъ трудны, когда вокругъ насъ каждый подчиняется законамъ безграничной и разнузданной конкуренціи, адвокаты никогда не даютъ обществу зрѣлища такого печальнаго соревнованія. Довольные тѣмъ, что имъ приносить довѣріе общества, они ожидаютъ его, но не домогаются, и кажется, что это довѣріе принадлежитъ самому достойному, но не самому ловкому; когда же оно измѣняется намъ, тѣ, которые находятъ его,

принимають его лишь съ колебаніемъ, потребовавъ отъ него отчета въ его непостоянствѣ и кантрпахъ. Таковы наши обязанности по отношенію другъ къ другу.

Что мнѣ сказать теперь о нашихъ *обязанностяхъ по отношенію къ клиентамъ?*...

Внимательное изученіе всѣхъ деталей дѣла, безкорыстіе, которому вы должны оставаться всегда вѣрными, забота, съ какой вы должны избѣгать всего, что только напоминать агентуру и коммиссіонерство, суровая честность совѣтовъ, даваемыхъ вами довѣрителямъ,—я считаю излишнимъ обо всемъ этомъ вамъ говорить. Но между этими обязанностями есть такія, на которыя въ особенности я обращаю ваше вниманіе.

Сперва одно слово о тайнѣ, о непроницаемой тайнѣ, которой ваши кліенты, каковы бы ни были позднѣе ихъ неблагодарность и вина, могутъ, однако, всегда требовать отъ васъ. Тѣ, которые видятъ, какъ бы привилегію адвоката, какъ бы милость, созданную въ его пользу, въ правѣ не отвѣчать даже суду, ошибаются и принимаютъ за преимущество то, что въ сущности есть наша обязанность. Если у подножія суда, васъ допрашивающаго, вы имѣете неприкосновенность духовнаго пастыря, то и по отношенію къ обществу,

къ вамъ обращающемуся, вы имѣете тѣ же обязанности пастыря. Служитель церкви долженъ оставаться нѣмъ относительно всего, что касается извѣстной ему тайны; точно также все, что касается интимныхъ признаній, ввѣряемыхъ вашей совѣсти, должно быть покрыто молчаніемъ.

Есть ли также прерогатива или скорѣе обязанность—эта присвоенная адвокатурѣ свобода слова, которую иные клеветники называютъ правомъ все говорить? То, чего требуетъ адвокатура, — это не право все говорить, но обязанность говорить то, что необходимо для блага правосудія и торжества правды; это не право все говорить, а обязанность свободно и безпренятственно защищать людей, законные интересы которыхъ должны быть ограждены или несправедливыя нападки на которыхъ должны быть опровергнуты; это не право все говорить, а обязанность раскрывать обманъ, слѣдуя за нимъ по пятамъ безъ пощады, безъ страха всюду, гдѣ только онъ надѣялся торжествовать; это не право все говорить, а обязанность съ независимостью защищать несчастнаго, котораго притѣсняютъ, и невиннаго, котораго обвиняютъ; словомъ, это обязанность, часто очень трудная и тяжелая, упражнять гражданское мужество, столь присущее нашей профес-

сип и служащее всегда, какъ во времена самыя бурныя, такъ и самыя спокойныя, залогомъ безопасности тяжущихся, силой и славой адвокатуры.

Остерегайтесь, мои дорогіе сотоварищи, и не забывайте никогда, что служба, которую мы несемъ, не зависитъ всецѣло отъ нашего произвола и воли; она — нѣчто вродѣ общественной должности; и кабинетъ, въ которомъ мы находимся, не только мѣсто для спокойныхъ занятій, но и какъ бы убѣжище, доступное всѣмъ честнымъ интересамъ и всѣмъ законнымъ правамъ. Адвокатъ, когда требуютъ его помощи, не въ правѣ малодушно разбирать, нѣтъ ли какого нибудь неудобства или какой либо личной опасности, сопряженныхъ съ предложеннымъ ему справедливымъ дѣломъ. Когда зараза дѣласть свое опустошеніе, въ правѣ ли докторъ отказывать въ своей помощи? И по мѣрѣ того какъ эта профессія дѣлается болѣе опасной, развѣ честность и самоотверженность не связываютъ его сильнѣе съ нею? Не думая никогда о своей собственной безопасности, онъ спѣшитъ всюду, куда зоветъ его общественное спасеніе. Точно также адвокатъ; неподверженный такимъ же опасностямъ, онъ имѣетъ, однако тѣ же обязанности: всегда готовый защитникъ, всегда

вооруженный атлетъ, онъ долженъ всякій разъ, какъ его зовутъ, быть готовымъ бороться за правду, не считывая никогда, не подымутся ли противъ него могущественная непріязнь или недостойныя нападки.

Здѣсь открывается предъ нами другая обязанность, исполненіе которой также необходимо для достоинства нашей профессіи, обязанность, безъ которой она потеряла бы всякое собственное ей уваженіе и обратилось бы въ жалкій торгъ, — я разумѣю *выборъ дѣлъ*. Я знаю, хотя этого общество знать не хочетъ, есть много дѣлъ, полныхъ сомнѣній и неясностей, въ которыхъ самъ адвокатъ остается часто нерѣшительнымъ, въ которыхъ доказательства колеблются съ такою неопредѣленностью, что можно съ равными шансами и съ одинаковой добро-совѣстностью поддерживать обѣ стороны. Сколько есть процессовъ, въ которыхъ одинъ требуетъ строгости наказанія, между тѣмъ какъ другой указываетъ на благородство дѣянія! Я знаю также, что въ этомъ предварительномъ разборѣ, которому мы предаемся, иллюзіи легко возможны; естественно, какое обаяніе долженъ производить на умъ слушателя тяжущійся, говорящій правдиво и безъ противорѣчій; я знаю, наконецъ, насколько трудность сама по

себѣ подкупаетъ возвышенные умы и нравится воображенію тѣхъ, которые чувствуютъ себя рожденными для борьбы. Вооружитесь противъ этихъ обольщеній, которыхъ общество не приметъ въ расчетъ.

Когда, опираясь на обманъ и ложь, тяжущійся пытается сбить съ пути правосудіе, подумайте хорошо, что, помогая ему въ этомъ, вы дѣлаетесь сообщниками его вѣроломства. Никакое соображеніе, никакой интересъ да не побудитъ васъ къ этой роли, столь противной вашей чести. Если вамъ не удастся убѣдить тяжущихся мудростью вашихъ совѣтовъ, просвѣтите ихъ, по крайней мѣрѣ, вашимъ отказомъ, и пусть они будутъ осуждены вами раньше, чѣмъ будутъ обвинены правосудіемъ.

Такая предосторожность предписывается вамъ не только въ гражданскихъ дѣлахъ, но и въ уголовныхъ. Вамъ скажутъ: хорошо защитить обвиняемаго и возвратить его семьѣ. Рядомъ съ этимъ интересомъ, требующимъ и умоляющимъ о вашей помощи, вы не находите, я знаю, интереса противоположнаго, активнаго, непосредственнаго, который бы протестовалъ и тревожилъ вашу совѣсть, какъ въ гражданскихъ дѣлахъ; зато вы находите интересъ общественный, интересъ, который, я полагаю, теперь цѣнить слишкомъ дешево. Раз-

въ мало того, что добрые люди борются противъ разныхъ искусныхъ и смѣлыхъ злоумышленниковъ при помощи уже, къ счастью, смягченныхъ законовъ? Пусть ваши усилія, вашъ талантъ, ваше заступничество не послужатъ къ возврату въ общество виновныхъ, новыя преступленія которыхъ были бы дѣломъ вашихъ рукъ и соблазнительная безнаказанность которыхъ послужила бы для остальныхъ преступниковъ ободреніемъ и поощреніемъ, а для общества — бичемъ.

Когда, по влеченію вашей совѣсти или почетному выбору судей, вы будете призваны защищать обвиняемыхъ этой категоріи, исполняйте вашу обязанность, какъ подобаетъ честному человѣку. Если обвиняемый вамъ кажется невиновнымъ, пусть онъ найдеть въ васъ защитника горячаго и благороднаго; если вы считаете его виновнымъ, будьте достойны этой тяжелой, но благородной миссіи, которую человѣчность нашихъ законовъ ввѣряетъ вамъ. Законы не пожелали, чтобы обвиняемый могъ быть судимъ, каково бы ни было его преступленіе и каковы бы ни были доказательства послѣдняго, раньше чѣмъ будутъ изложены въ его пользу всѣ возможные доводы. Вамъ принадлежитъ право высказать ихъ не горячимъ словомъ убѣжденнаго человѣка, но

только съ добросовѣстнымъ усердіемъ адвоката, исполняющаго свой долгъ. *).

Не въ однихъ только интересахъ вашей чести вамъ нужно слѣдовать совѣтамъ, которые я вамъ даю и на которыхъ я настаиваю, но и въ интересахъ вашей будущности. Безъ сомнѣнія, среди всѣхъ затрудненій новой профессіи молодой адвокатъ чувствуетъ нетерпѣливую необходимость проявить себя въ судѣ. Каковы бы ни были предлагаемыя ему дѣла, онъ бы желалъ воспользоваться этими рѣдко пред-

*) Въ этомъ отношеніи весьма интересно начало рѣчи, сказанной Шарлемъ Лашо, въ свое время свѣтиломъ Парижской адвокатуры, въ защиту Троппмана, перерѣзавшаго всю семью Кинкъ, состоявшую изъ 8 лицъ. Преступленіе это взволновало и возмутило всю Францію. Троппманъ обратился къ Лашо, который и принялъ на себя его защиту. Когда общество узнало объ этомъ, его негодование не знало предѣла. Стали кричать о скандалѣ, говорить о прелюбодѣяхъ слова. Масса анонимныхъ писемъ, полныхъ угрозъ, была получена Лашо. Друзья, знакомые, все просили его оставить эту защиту, но Лашо остался твердъ и непреклоненъ.

Дѣло слушалось 28, 29 и 30 Декабря 1869 года. Предсѣдательствовалъ извѣстный Тевененъ, обвинялъ престарѣлый и славный Гранперре. Троппманъ попросилъ меня, началъ Лашо, принять на себя его защиту; вотъ обязанность, которую предстоитъ мнѣ исполнить... Тѣ, которые говорятъ, что есть преступленія, настолько гадкія, и преступники, настолько

ставляющимъся случаями, и его умъ ищетъ извиненій и предлоговъ для усыпленія совѣсти. Пусть, однако, въ эти минуты нерѣшительности, будетъ у него достаточно мужества противъ такого соблазна. Успѣхи, достигнутые такимъ путемъ, были бы вскорѣ дорого оплачены. Видя, что его талантъ принаравливается ко всѣмъ дѣламъ, всѣ бы поняли, чего стоятъ этотъ всегда готовый пылъ, это убѣжденіе, никогда не знающее сомнѣнія, эта искренность, заключающаяся въ притворствѣ, двусмысленности и лжи, и вскорѣ, окруженный всеобщимъ и заслу-

ужасные, что невозможно дѣлать попытокъ просить для нихъ ни малѣйшаго снисхожденія въ примѣненіи наказанія, — ошибаются, смѣшивая въ благородномъ негодованіи своемъ правосудіе съ гнѣвомъ и мщеніемъ. Они не понимаютъ, что, возбужденные глубокимъ состраданіемъ и жалостью къ многочисленнымъ жертвамъ, они требуютъ такимъ образомъ дозволенія, совершить социальное преступленіе, самое опасное изъ всѣхъ: приносить въ жертву законъ. Я понимаю иначе обязанности защиты. Законодатель пожелалъ, чтобы рядомъ съ обвиняемымъ, каково бы ни было его преступленіе, стоялъ защитникъ, справедливая и честная рѣчь котораго остановила бы, если возможно, волненія толпы, столь же благородныя, сколько и ужасныя, ибо они могутъ задушить истину.

Законъ снокосенъ, господа; онъ никогда не знаетъ увлеченій, хотя бы самыхъ благородныхъ; онъ говоритъ самому себѣ, что истина можетъ быть открыта, если будутъ ее

женнымъ недовѣріемъ, онъ увидѣлъ бы въ одно время потерю уваженія и кліентуры.

Еслибы, однако, вмѣсто того чтобы, увлекаясь такимъ нетерпѣніемъ, стремиться къ эфемернымъ успѣхамъ, онъ пожелалъ молча и въ трудѣ ждать болѣе достойныхъ случаевъ; если бы онъ, какъ адвокатъ, поставилъ себѣ правиломъ жизни этотъ старый девизъ „Non omnia, sed bona“, его талантъ скоро развился бы шире, становясь съ каждымъ днемъ зрѣлѣе, и мало по малу увеличивались бы обаяніе его имени и авторитетъ его слова, и всѣ бы знали, что

отыскивать обвиненіе и защита совмѣстно. Онъ знаетъ, что наступить часъ, когда нужно забыть ужасы преступленія. Онъ знаетъ, что не все заключается въ жертвахъ и что слѣдуетъ также бросить взглядъ на обвиняемаго; что долгъ правосудія и судьи — изучить человека, его природу, его влеченія, его умъ, его нравственное состояніе. Онъ говоритъ тогда адвокату: «Ты будешь въ судѣ, ты будешь тамъ со своей совѣстью». — Это первое слово настоящаго торжественнаго засѣданія, произнесенное председателемъ, когда онъ напомнилъ защитнику, что все что онъ скажетъ объ обвиняемомъ, должно исходить изъ его совѣсти. Право защиты, свободу защиты, законодатель ввѣряетъ профессиональной чести адвоката, примиряя, такимъ образомъ, законныя права общества съ правами не менѣе священными защиты, и будьте вполнѣ увѣрены, господа, что, являясь предъ вами, мы честно стараемся объяснить истину такъ, какъ мы ее понимаемъ.

онъ дѣлается первымъ судьей предлагаемыхъ ему дѣлъ, что онъ ихъ разсматриваетъ со всею опытностью просвѣщеннаго юрисконсульта и со всею независимостью неподкупнаго судьи. Противникъ никогда не сомнѣвался бы въ его словѣ, судья ничего не пожелалъ бы провѣрить послѣ него. Объ немъ говорили бы то же, что одинъ председатель говорилъ объ одномъ изъ нашихъ предшественниковъ: „вѣрьте факту, когда Ленорманъ вамъ это свидѣтельству-етъ!“ Кто бы не пожелалъ имѣть своимъ покровителемъ человѣка, покрытаго такой

Господа, я съ вами буду искать истину, какъ я ее понимаю, и не буду защищать той, которую обвиняемый намъ представлять. Полагаете ли вы, что я пришелъ сюда повторить все, что онъ сказалъ? Какое же мнѣнiе составили бы себѣ о моей профессii? О, она была бы низкимъ ремесломъ, еслибы заключалась въ повторенiи за обвиняемымъ всего, что онъ, хорошо ли или плохо заучивши, говорить въ свою зацѣту. Будьте покойны, господа, я буду защищать этого человѣка такъ, какъ долгъ защиты мнѣ повелѣваетъ. Я жилъ уже съ нимъ; я его допрашивалъ, онъ говорилъ со мною; прежде чѣмъ быть его адвокатомъ, я былъ его судьей. Не мнѣ принадлежитъ вынести вердиктъ; но я сдѣлаю оцѣнку всему, и посреди этихъ страшныхъ сценъ, моя обязанность сказать вамъ, что я думалъ объ этомъ дѣлѣ.

Защита принадлежитъ мнѣ, я ея хозяинъ; и здѣсь я не эго обвиняемаго р. 282—284 Т. II. Affaire Troppmann. «Plaidoyers de Ch. Lachaud» Paris 1885.

славой? Въ дѣлѣ, казавшемся самымъ неблагопріятнымъ, одно присутствіе такого адвоката разсѣваетъ предубѣжденіе судьи, и кліентъ, какъ только входитъ въ залу суда, уже находится подъ ореоломъ доброй славы, окружающей его защитника.

Нѣтъ, что бы ни случилось, мои дорогие сотоварищи, не для себя, не для своего успѣха, своей выгоды, своей славы, надо любить добродѣтель и служить правосудію! Любите ихъ ради нихъ самихъ, по свободному влеченію вашего сердца, по благородному инстинкту вашей природы, по безкорыстному чувству вашего долга.

Однако, эти столь многочисленныя и столь трудныя правила не зависятъ отъ оцѣнки и совѣсти каждаго изъ насъ. Между тѣмъ какъ вездѣ граждане, связанные лишь писаннымъ и положительнымъ законодательствомъ, не ограничены никакими принудительными правилами добродѣтельной жизни, нравственный кодексъ, которому мы себя подчинили, находить свою санкцію въ нашемъ сословіи. Совѣсть — этотъ божественный законъ, защищающій то, чего не могли бы отстоять человѣческіе законы, имѣетъ среди насъ своихъ истолкователей и своихъ судей. Я хочу говорить о *дисциплинарной власти совѣта* и

выяснить вамъ, какъ я понимаю ея приложеніе и объемъ.

То не сила, созданная виѣ насъ и предписанная намъ высшей и ревнивой властью, а совѣтъ, избранный въ свободной семьѣ и измѣняющійся ежегоднымъ избраніемъ, такъ что поочередно мы можемъ быть или подсудимыми или вашими судьями.

Поэтому, не бойтесь, чтобы, вторгаясь въ область, не принадлежащую ей, наша дисциплина пыталась когда либо проникать во внутреннюю жизнь своихъ подчиненныхъ. Призывая ихъ къ суду, какъ адвокатовъ, за всѣ дѣла ихъ общественной жизни, могущія компрометировать достоинство ихъ профессіи, она останавливается на порогѣ частной жизни, долженствующей остаться для нея непроницаемой.

Но въ границахъ своей власти, она должна быть бодрствующей и суровой. Беззаботная и слабая, она бы не только была для насъ бесполезна, но стала бы скоро вредной и ненавистной. Въ самомъ дѣлѣ, дисциплина, обязанная сохранять въ большомъ организмѣ принципы разборчивости и чести, образуетъ среди членовъ его нѣчто вроде моральной солидарности.

Что бы ни говорили, вмѣненіе всей семьѣ отвѣтственности за поступокъ одно-

го члена ея не совѣмъ лишено основанія и справедливости. Развѣ семья не могла просвѣтить его лучшимъ наставленіемъ? Развѣ она не могла слѣдить за нимъ съ большею строгостью? достаточно ли воспользовалась она всѣми средствами дисциплинарной власти, которую даже наши мягкіе законы сочли нужнымъ предоставить въ ея руки? вотъ о чемъ всѣ спрашиваютъ себя. Вотъ что составляетъ силу предубѣжденія, суровость котораго иногда оправдывается самымъ происшествіемъ; вотъ что устанавливаетъ безъ сомнѣнія слишкомъ великую солидарность, возбуждая въ семьѣ спасительное безпокойство и болѣе активный надзоръ.

Тоже самое у насъ, среди этого сотоварищества, соединяющаго семью адвокатовъ. Дисциплинарный совѣтъ облеченъ властью, дѣлающей его въ вашихъ глазахъ и въ глазахъ всѣхъ хранителемъ и отвѣтственнымъ за достоинство сословія.

Если, однако, разборчивость въ поступкахъ и дѣйствіяхъ грубо игнорирована, если крупные проступки остались безъ энергичнаго отпора, — могутъ сказать, что мы такъ, вѣроятно, понимаемъ принципы и традиціи адвокатуры. Предосудительныя ошибки будутъ слѣдствіемъ такой слабости, и общество должно подумать, что

эти поступки разрѣшены на основаніи правилъ, такъ какъ они не пресѣкаются дисциплиной. Такимъ образомъ ошибки одного будутъ въ общественномъ мнѣніи ошибками всѣхъ и, забывая свою миссію и свою цѣль, дисциплина будетъ не болѣе, какъ пустымъ словомъ, какъ опасной властью, служащей для компрометированія чести, отданной въ охрану. Взгляните въ общество и посмотрите, что происходитъ среди другихъ профессій. Дурныя страсти, любовь къ наживѣ, привычки неуемной конкуренціи, — все это остается безъ всякаго надзора и безъ всякой узды, если не считать существующихъ запрещеній карательныхъ законовъ; но тамъ, по крайней мѣрѣ, каждый отвѣчаетъ лишь за себя, и въ общественномъ мнѣніи грубые единичные поступки нѣкоторыхъ не грязнятъ чести этихъ профессій. Въ медицинѣ, напримѣръ, развѣ уваженіе общественное, которымъ окружаютъ столько ученыхъ людей, столько знаменитыхъ практиковъ, можетъ быть умалено низкими поступками нѣсколькихъ шарлатановъ? Развѣ вошедшая въ поговорку честь французскаго коммерческаго міра можетъ быть компрометирована обманомъ и мошенничествомъ, которые позволяютъ себѣ нѣкоторые люди, недостойные званія коммерсан-

товъ? Конечно, нѣтъ. Профессиональная честь остается тамъ, гдѣ погибаетъ честь индивида. Это значить, что тамъ нѣтъ сотоварищества, нѣтъ дисциплинарной власти.

И такъ, вы видите, что эта дисциплина, чтобы быть полезной, должна быть строгой; только тогда она дѣйствительно сохранить среди насъ принципы чести и достоинство сословія. *).

Позднѣе, когда Шэ д'Есть Анжъ декретомъ Наполеона III былъ назначенъ на высшую въ государствѣ должность оберъ-прокурора, онъ не измѣнилъ своихъ взглядовъ на задачи и идеалы адвокатуры.

Приводимъ здѣсь два отрывка изъ двухъ интересныхъ рѣчей, сказанныхъ имъ уже оберъ-прокуроромъ.

30 Ноября 1857 года, при вступленіи на эту высокую должность, Шэ д'Есть Анжъ закончилъ свою отвѣтную рѣчь слѣдующими теплыми словами:

„Онь (Круасонъ) напомнилъ вамъ славные дни моей профессіи, дни борьбы, куда я вносилъ мое горячее слово и мои глубокія убѣжденія. Но, оставимъ эти воспоминанія и будемъ думать только о новыхъ обязанностяхъ. Не смотря на блескъ моего новаго

*) р. 257—550. Discours et Plaidoyers de M. Chaix-d'Est-Ange T. I.

положенія, не смотря на знаки симпатій, мнѣ расточаемыхъ, не смотря на ободренія и общанія, служація мнѣ залогомъ вашего содѣйствія, позвольте мнѣ сказать вамъ: не безъ глубокой печали и не безъ слезъ я сказалъ „прости“ этой старой одеждѣ, потертой въ столькихъ преніяхъ!.

Когда я покинулъ ее въ послѣдній разъ, когда я могъ сказать, какъ старый атлетъ древности: „*Nic coestus artemque gerono*“, мое сердце сокрушилось, и одно время мнѣ казалось, что я покидалъ свое дорогое отечество для другой чужеземной страны. Я ошибался, конечно, но вы, господа,—люди съ сердцемъ,—вы поймете мое малодушіе и не поставите его мнѣ въ вину. Да, конечно, я ошибался. Посреди его святилища, преданный его культу, вѣдь въ концѣ концовъ всегда правосудію, неправда ли всегда ему одному я служу? Здѣсь именно, господа, въ этой залѣ, у подножія того же правосудія былъ мой скромный дебютъ, а нынѣ славное увѣнчаніе моей карьеры. Въ то время какъ я стою теперь во главѣ суда, тамъ, напротивъ меня, какъ бы для того, чтобы напомнить мнѣ происхожденіе, которымъ я гордъ и котораго я не забуду никогда, я вижу эти черпла *),

*) за которыми сидятъ адвокаты.

гдѣ лѣтъ 38 тому назадъ, бѣдный, одинокій, безъ поддержки, но полный вѣры и надежды, я пришелъ дать клятву повѣреннаго. Опираясь на ваше содѣйствіе и ваше сочувствіе, сегодня, какъ и тогда, при началѣ этой новой карьеры, какъ и при началѣ той, первой, я все еще полонъ надежды и вѣры“...*)

Въ рѣчп, сказанной 3 Ноября 1858 года, въ годичномъ торжественномъ засѣданіи Суда, Шэд'Есть Анжъ въ концѣ обращается къ адвокатамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„И вы, адвокаты, столь долго мои товарищи и всегда мои друзья, вы облегчаете задачу судьи, вы освѣщаете его обязанности, подготовляя его рѣшенія. Принимая участіе въ его трудахъ, вы равнымъ образомъ принимаете участіе въ его обязанностяхъ. Первые утѣшители огорченнаго, первые совѣтники бѣднаго, первая поддержка притѣсняемаго, вы знаете хорошо, что ваши двери и ваши сердца должны быть всегда открыты для нихъ и что вы обязаны, никогда не унижая ихъ несчастья своимъ пренебреженіемъ, терпѣливо искать истину въ ихъ разсказахъ, чтобы, выдѣляя дѣйствительное право изъ хаоса ихъ требованій, указать таковое рельефно правосудію“**).

*) р. 259 260. Т. I.

**) р. 273 *ibidem*.

Жюль Фавръ.

(1860—1862 гг.).

Первая рѣчь старшины Жюля Фавра была сказана 3 Декабря 1860 года. Великій ораторъ, имя котораго не только во Франціи, но и вездѣ стало нарицательнымъ словомъ, указавъ на обязанности старшинъ сословія и на значеніе судей и адвокатовъ, долго останавливается на необходимости упорнаго труда, на безкорыстїи, самоотверженности и на формѣ изложенія, и въ концѣ дѣлаетъ прекрасныя характеристики Бетмона, Ліувилля и др.

„Какъ же мы не быть глубоко тронутымъ?“ началъ Жюль Фавръ, указывая на свое избраніе старшиною. „Нѣтъ ничего выше подобной чести для адвоката, посвятившаго свою жизнь служенію своей профессіи. Нѣтъ ничего дороже этой чести, ибо она знакъ высшаго уваженія сотова-

рищей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ этимъ званіемъ сопряжены серьезныя обязанности. Поддерживать твердой рукой спасительныя правила нашей дисциплины, направлять къ высшей цѣли полезныя занятія стажъ, предупреждать примиряющимъ умомъ затрудненія и споры, слѣдить зоркимъ глазомъ за малѣйшими пропущеніями, касающимися нашего достоинства, защищать нашу свободу отъ пагубныхъ захватовъ, смѣло носить всюду, гдѣ слѣдуетъ, знамя нашего сословія и умѣть заставить его уважать, — такова задача, налагаемая традиціями на вашего старшину, задача великая и достаточная, чтобы утѣшить самую смѣлую волю. И никто не могъ бы похвалиться, что выполнилъ эту задачу достойно“...

Утверждая затѣмъ, что вновь избранному старшину надо брать примѣръ отъ славныхъ предшественниковъ и воздавъ съ своей стороны хвалу уму и сердцу своего предшественника, Жюль Фавръ продолжаетъ:

„Я нуждаюсь въ вашей помощи, мои сотоварищи, и въ особенности въ вашей, мои дорогіе стажеры; вы — наша надежда, наша гордость, вамъ принадлежитъ будущее, вамъ, которыхъ каждую минуту преслѣдуетъ желаніе дѣлать добро и превзойти своихъ старшихъ товарищей. Такъ какъ

отъ васъ зависятъ наши судьбы, я скажу вамъ, какъ я понимаю эту профессію, которую мы такъ любимъ, ибо она устанавливаетъ между нами сильныя и пріятныя узы. Иногда насъ обвиняютъ въ томъ, что мы приписываемъ ей воображаемое величіе. О, мы были бы далеко не правы, еслибы мы унизили ее до уровня мѣнѣ большинства.

Ея сила въ томъ именно и заключается, что мы ее ставимъ такъ высоко, и преувеличенія, въ которыхъ насъ упрекаютъ, лишь усиливаютъ и возвышаютъ наши обязанности. Къ тому же величіе нашей профессіи легко объясняется исторіей ея происхожденія, ея сущностью и цѣлью. Если правда, что у цивилизованныхъ народовъ самое возвышенное чувство—чувство справедливости, первая потребность—потребность въ просвѣщенномъ законодательствѣ и нелицепріятномъ судѣ, то учрежденіе, которое отвѣчаетъ этимъ потребностямъ, занимаетъ въ государствѣ положеніе, значеніе котораго никто не станетъ оспаривать. Поэтому, вездѣ, гдѣ учрежденія свободны, судейское сословіе имѣетъ право на законное уваженіе и нѣтъ другой, болѣе святой и болѣе трудной миссіи. Чуждые суетѣ и людскихъ страстей, которыми они окружены, обреченные на скромныя пе-

извѣстные труды, судьи, эти живые истолкователи закона, повинующіеся при рѣшеніяхъ лишь стимуламъ свободнаго и твердаго разума, находятъ себѣ полное удовлетвореніе въ своихъ трудахъ, мечтая не о крикливой славѣ, но о неуклонномъ исполненіи своего долга. И вотъ, рядомъ съ судейскимъ сословіемъ стоитъ сословіе адвокатовъ, преслѣдующее тѣ же задачи, хотя совершенно инымъ путемъ. Судья — рѣшеніе и главенство, адвокату — пренія и свобода. Боецъ за индивидуальное право, онъ убѣжище гонимыхъ, покровитель и утѣшитель всѣхъ несчастныхъ. Но чтобы достойно служить этой высокой миссіи, ему необходимы всѣ средства науки и искусства. Лишь твердое знаніе источниковъ законовъ въ исторіи и философіи, и глубокое изученіе общественныхъ потребностей, которыми они вызваны, дадутъ ему возможность объяснять законы и, указывая на ихъ пробѣлы, вносить свѣтъ среди мрака, которымъ невѣжественные и недобросовѣстные люди часто окружаютъ спорные вопросы. Располагая такими познаніями и всегда гордый драгоцѣнной привилегіей: идти смѣло всюду, на помощь праву, когда ему грозитъ торжествующая сила, адвокатъ долженъ проникать въ самые сокровенные тайники сердецъ и подмѣчать въ нихъ игру

страстей, чтобы, господствуя мыслью надъ этими страстями, съумѣть раскрывать всѣ ихъ порывы. Въмѣстѣ съ тѣмъ, не угождая никому, не блѣдиѣя предъ опасностью, онъ долженъ считать своей славой самоотверженностью и высшимъ счастьемъ пренебреженіе своими интересами, къ которымъ люди болѣе всего чутки.

Такова наша роль, мои дорогіе сотоварищи. Я имѣю основаніе находить ее великой, и тѣ, которые пытались бы противорѣчить мнѣ, очень скоро согласились бы со мною, если бы какое либо несчастье заставило ихъ обратиться къ нашей помощи. Тогда бы они поняли заблужденія этихъ умовъ, которые въ безумной любви къ авторитету во чтобы то ни стало, возмущаются нашей свободой. Чтобы насъ судить, надо многое выстрадать, и въ настоящее время, когда судьба дѣлаетъ столь рѣзкіе повороты, мы можемъ сослаться на свидѣтельство общественной совѣсти о томъ, что мы остаемся вѣрны несчастью, каково бы ни было его знамя.

Но для подобной миссіи едва достаточно жизни. Наша профессія изъ тѣхъ, которыя требуютъ исключительной страсти и всецѣлой преданности. Пусть удалятся отъ насъ тѣ, которые не желаютъ отказаться ни отъ удовольствій міра, ни отъ шума

дѣлъ. Дагессо, давая сыну своему прекрасные совѣты, между прочимъ, увѣряетъ его, что „безъ добровольнаго затворничества на нѣсколько лѣтъ успѣхъ невозможенъ“. Выборъ книгъ, которыя онъ рекомендуетъ ему читать обязательно, заключаетъ въ себѣ цѣлую энциклопедію. Далекій отъ того, чтобы выкинуть изъ этого списка что нибудь, я прибавлю къ нему все завоеванія новаго времени, завоеванія, къ которымъ адвокат не можетъ оставаться чуждымъ. Требовать отъ адвоката знанія всего не значило бы перейти въ чемъ либо границы его вѣдѣнія. Къ нему примѣнимы стихи предисловія къ сатирамъ Ювенала:

„Все, что свойственно людямъ,—желаніе, страхъ, гнѣвъ, страсти, удовольствія, споры,—таково содержаніе нашей книги“.

Не правда-ли, жизнь человѣческая съ безконечными случайностями, своимъ величіемъ и ничтожествомъ, своими свѣтлыми и темными сторонами, безпрестанно развертывается въ разнообразныхъ драмахъ, называемыхъ процессами? Развѣ въ послѣднихъ не затрогиваются мораль, исторія, литература, промышленность, политика и все вообще науки? Чтобы не быть ниже ихъ пониманія, развѣ адвокат не долженъ усвоить себѣ всехъ знаній? Чѣмъ шире будетъ его горизонтъ, тѣмъ смѣлѣе будетъ

его взглядъ, тѣмъ плодотворнѣе его мысли, тѣмъ могущественнѣе его дѣйствіе на тѣхъ, которыхъ онъ долженъ наставлять и убѣждать.

Наставлять и убѣждать! — Такова двойная роль возлагаемая на оратора. Благодаря лишь живымъ и свѣтлымъ проблескамъ его ума, просвѣчивающимъ въ каждомъ словѣ его рѣчи, въ порядкѣ научной системы идутъ доказательства, которыя покоряютъ его слушателей; благодаря лишь высокому полету его мыслей, онъ распространяетъ вокругъ себя непрестающія и таинственныя чары, дѣлающія его властителемъ воли и сердець, упрочивая ему такимъ образомъ триумфъ путемъ самаго сладкаго порабоженія, устанавливаемаго тѣснымъ сближеніемъ чувствъ и мыслей.

Но такая побѣда требуетъ упорнаго труда, на что указываетъ Тацитъ въ діалогѣ объ ораторахъ:

„Настоящій ораторъ тотъ, который обо всѣхъ предметахъ можетъ говорить ясно, красиво, убѣдительно, доставляя удовольствіе слушателямъ и имѣя въ виду достоинство предмета и пользу времени“.

До Тацита Цицеронъ написалъ тоже самое.

„Ораторъ не долженъ довольствоваться

тѣмъ, чтобы удовлетворить кліента, въ немъ нуждающагося, онъ долженъ казаться пріятнымъ и судьямъ, не имѣющимъ никакого интереса въ дѣлѣ“.

Я же, мои дорогіе сотоварищи, если мнѣ позволительно говорить послѣ этихъ великихъ геніевъ, прибавлю, что ораторъ не долженъ довольствоваться тѣмъ, чтобы поучать, убѣждать и восхищать своихъ слушателей; восхищеніе, нлохо сдерживаемый ропотъ котораго оцѣняетъ его, не могло-бы служить лучшей его наградой.

Ораторъ долженъ вѣсѣмъ существомъ своимъ стремиться страстно къ олицетворенію идеальнаго образца правды и красоты, зародыши которыхъ находятся въ груди каждаго изъ насъ. Вотъ благородный и смѣлый трудъ, могущій возвысить ограниченное существо человѣка до рубежей безконечныхъ странъ, гдѣ природа его перерождается; вотъ могучія и плодотворныя изысканія, въ которыхъ мысль, преслѣдуя съ неутомимымъ пыломъ едва мелькающую мечту, воспламеняется, наполняя душу почти небесными радостями! — наслажденія безконечныя, сплу и сладость которыхъ не выразить ни одинъ человѣческій языкъ, ибо эти наслажденія самое высокое выраженіе мощи нашего духовнаго существованія!

Въ поэзіи упоминается объ этихъ наслажденіяхъ. Когда, небеснымъ огнемъ вдохновенный, художникъ терзалъ своимъ рѣзцомъ мраморъ, желая обезсмертить свою возлюбленную, вдругъ онъ почувствовалъ, какъ подъ холоднымъ камнемъ забилося женское сердце; обезумѣвъ отъ любви, онъ бросился тогда къ ногамъ предъ этимъ твореніемъ безъ имени, для рожденія котораго его рука встрѣтилась съ рукою Бога.

И не подумайте, чтобы было съ моей стороны безрасудно питать такія стремленія; они источники всего дѣйствительно могущественнаго.

Сердце двигаетъ людей, а прескрасное проникаетъ и плѣняетъ его. Моральная красота производитъ на человѣка болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ физическая, служащая лишь отраженіемъ и видимымъ изображеніемъ первой.

Слѣдовательно, какимъ образомъ тотъ, кто обязанъ убѣждать, будетъ пренебрегать чарами вдохновенія?

Какъ же ему отказаться отъ рѣшительной помощи, приносимой ему чистотой языка, граціей оборота, благородствомъ выраженія, живостью остроты, блескомъ изображеній и искуснымъ примиреніемъ взглядовъ?

Скажутъ, это форма, и нашъ положи-

тельный вѣкъ не останавливается на ней; онъ требуетъ прежде всего точныхъ и практическихъ мыслей, передаваемыхъ безъ фразъ.

Мои дорогіе сотоварищи, считайте эти слишкомъ повторяемыя правила за софизмъ, употребляемый безсильными. Я далеко отъ мысли отрицать, что многіе умы имѣютъ склонность все умалять; посредственностъ находить пользу въ этомъ умаленіи. Нѣкоторые политики строятъ на немъ основу своихъ удачъ. И въ литературѣ, и въ искусствахъ мы видимъ печальныя слѣды такого направленія, и вотъ почему я васъ заклинаю бороться мужественно противъ такого прогрессивнаго умаленія самого себя. Насколько необходимо избѣгать напыщенности и дурнаго вкуса, настолько же нужно съ благоговѣйнымъ уваженіемъ оставаться вѣрными нашимъ старымъ традиціямъ изящества и прекрасныхъ манеръ, составляющихъ самую цѣнную дѣдовскія преданія нашей національности. Этотъ прекрасный языкъ французскій, языкъ Декарта, Босюета, Паскаля, Расина, Мольера, Вольтера такой чудный инструментъ, что тѣ, которые призваны къ славной чести пользоваться имъ для публичной обязанности, и какой обязанности! — свободной защиты права! — были

бы очевь виновны, еслибы способствовали умаленію и извращенію его. Цицеронъ говорилъ крайне справедливо, что самый главный недостатокъ рѣчи — слишкомъ большое удаленіе отъ обыкновеннаго способа говорить. Но и самъ онъ далъ примѣръ того, что тривіальность должна быть такъ же заботливо избѣгаема, какъ и неологизмъ, и что главная сила оратора заключается въ правильности его стиля и благородствѣ его языка.

Да какъ же иначе? Красоты формы производить на насъ всегда непреодолимое впечатлѣніе и самые упрямые поддаются ей. Они бы желали возмутиться и, однако, они застигнуты и плѣнены. Теперь они все выслушаютъ, и смѣлость не оскорбитъ ихъ. Увлеченные магической силой, они забываютъ свои страсти, чтобы предаться тому, кто умѣетъ ихъ очаровать; когда же они приходятъ въ себя, уже поздно остановить полетъ мыслей, оковы которыхъ разбило искусство.

Такая забота въ стараніяхъ говорить хорошо и добросовѣстная привычка тщательно искать образъ, лучше соотвѣтствующій мысли, не только послужатъ вамъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда искусство — одно изъ условій спасенія, но дадутъ каждой изъ вашихъ рѣчей, даже са-

мыхъ обыкновенныхъ, два рѣдкихъ качества, которыя окажутъ вамъ большую услугу — точность выраженія и умѣренность въ подробностяхъ.

Иногда мы жалуемся, что насъ плохо слушаютъ; вмѣсто того, чтобы въ этомъ обвинять судью, лучше посмотрѣть на самихъ себя; будемъ господствовать надъ его вниманіемъ, интересуя и очаровывая его.

Когда Церикль подымался на трибуну, онъ говорилъ себѣ: „вспомни, что ты будешь говорить свободнымъ людямъ, грекамъ, аѳинянамъ“. Онъ полагалъ такимъ образомъ необходимымъ возвысить свой умъ чувствомъ уваженія къ слушателямъ; мы, которые обращаемся къ судьямъ, весьма опытнымъ въ дѣлахъ, не забудемъ никогда, что первая дань уваженія, которую мы должны оказывать суду, это глубокое изученіе нашего дѣла.

Цицеронъ настаиваетъ на этомъ, съ виду очень банальномъ, но полезномъ, однако, правилѣ: „совѣтую моему ученику, прежде всего, о чемъ бы ему ни приходилось говорить, изучить заранѣе заботливо и знать его основательно... такъ какъ о неизвѣстныхъ предметахъ можно только плохо говорить“.

Но недостаточно еще усвоить себѣ всѣ детали процесса; обдуманый выборъ

средствъ, логическое сочетаніе идей и строгое исканіе возможно совершенной формы, позволять вамъ быть ясными, простыми и краткими въ объясненіяхъ, если не возбуждается никакого серьезнаго противорѣчія; убѣдительными, краснорѣчивыми и трогательными, когда страсть должна естественно занять мѣсто въ вашей рѣчи...

Вамъ скажутъ, что разсужденія о правѣ не должны болѣе быть терпимы въ рѣчахъ. Если бы было такъ, прежде всего я бы обвинилъ въ этомъ адвокатуру. Хорошія пренія всегда выслушиваются, и они не могутъ быть менѣе выслушаны оттого, что хороши. Но осуждать судей къ общимъ мѣстамъ, легкомысленнымъ доктринамъ, тезамъ, брошеннымъ въ пренія безъ подготовки, значить взяться за дѣло, въ которомъ терять болѣе всего неблагоприятный, разбиравшійся о невниманіи, вызванное его легкомысліемъ. Вы не будете довѣрять, мои дорогіе сотоварищи, этимъ слишкомъ пылѣ обыкновеннымъ совѣтамъ, обучающимъ васъ удобнымъ наставленіямъ безцеремоннаго ораторства. Вы не повѣрите, чтобы искусство хорошо говорить было несовмѣстимо съ логикой и знаніемъ, и вы постараетесь съ разумнымъ постоянствомъ поднять блескъ адвокатуры естественнымъ союзомъ права, философіи и краснорѣчія.

Арена предстоящей вамъ дѣятельности, арена, въ которой юныя способности ваши найдутъ себѣ свободное приложеніе, и гдѣ ваши успѣхи будутъ имѣть тѣмъ болѣе цѣны, что они не будутъ куплены никакими увертками, мало по малу расширяясь, подготовитъ васъ къ борьбѣ болѣе серьезной, предстоящей вамъ еще въ жизни. Вы встрѣтите ее съ тою увѣренностью, какую даютъ добросовѣстное изученіе дѣла, любовь къ труду и благородныя стремленія къ добру, и ваша юная слава озаритъ наши преклонныя годы и послужитъ самой пріятной наградой нашимъ усиліямъ и трудамъ, благодаря которымъ должны быть увѣнчаны успѣхомъ плодотворныя уроки, завѣщанные намъ предками.

Сверхъ того, мои дорогіе сотоварищи, привыкая къ тяжелымъ трудамъ нашей профессіи, вы готовитесь къ служенію отечеству на другихъ поприщахъ, если когда либо оно обратится къ вашей самоотверженности. Невозможно быть государственнымъ человѣкомъ безъ глубокаго знанія права, и всѣ, имѣвшіе рѣшительное вліяніе на свою эпоху, были искусны въ управленіи словомъ.

Я знаю, что время кажется мало благо-

пріятнымъ для политическаго красно-
рѣчія...

Съ своей стороны, мои дорогіе сотоварищи, я полагаю, что въ самые трудные дни мужество и краснорѣчіе значать еще много, и что для націй, осужденной на тяжкія испытанія, является честью, утѣшеніемъ и надеждою — слышать хотя бы изрѣдка любимые голоса, поднявшіеся въ защиту проигранныхъ, но справедливыхъ дѣлъ и потерянныхъ, но неотъемлемыхъ правъ...

Съумѣемъ, поэтому, поднять наши души выше позорнаго малодушія, какъ и безразсудныхъ стремленій, исполняя ежедневныя свои обязанности обдуманно и твердо, и готовые, если времена того потребуютъ или дозволятъ, достойно подвизаться на этой великой общественной аренѣ, которую несчастія и краснорѣчіе нашихъ предковъ заставили блеснуть столь славнымъ блескомъ. И какова бы ни была судьба, предназначенная намъ Богомъ, будемъ счастливы и горды тѣмъ, что посвятили себя профессіи, отличающейся отъ всѣхъ суровой обязанностью упорнаго труда, и, почтительные къ суду, будемъ помогать отъ него неослабно сохраненія нашихъ привилегій.

Тщательно избѣгая въ судебныхъ преніяхъ бесполезнаго личнаго элемента и гру-

быхъ выраженій, и благоговѣнно дорожа правилами столь дорогаго сотоварищества, палагающими на насъ сладкую необходимость любить другъ друга, не забудемъ никогда, что наша величайшая сила заключается въ сохраненіи среди окружающаго насъ общества традицій другаго вѣка, суровые принципы котораго мы напрасно стали бы искать вѣкъ насъ и въ иномъ мѣстѣ.

Наша жизнь ничто иное, какъ длинный и упорный трудъ, и занятой адвокатъ едва-едва можетъ найти нѣсколько минутъ для наслажденій у семейнаго очага. Притомъ, послѣ столькихъ усилій и жертвъ, столько добровольнаго самоотверженія, онъ рѣдко пріобрѣтаетъ скромное состояніе. Пусть, поэтому, удалятся съ этой благородной арены алчущіе наживы и количествомъ состоянія измѣряющіе свои успѣхи: занятіе, самое позорное, будетъ имъ болѣе выгодно. Пусть они помнятъ жестокою иронію великаго сатирика, который выражается такъ объ ораторахъ вѣчнаго города:

„Желаснѣ ли ты вѣрно высчитать ихъ доходы? Положи на одну чашу состояніе ста адвокатовъ, а на другой состояніе кучера Лацерны“.

Времена вовсе не измѣнились и адвокаты могутъ еще и теперь гордиться плохимъ за-

работкомъ, причина — котораго безкорыстіе — ихъ основной принципъ. Имъ принадлежитъ благородное преимущество протягивать бѣдному и униженному руку, отталкивающую всякую плату. Имъ свойственна деликатная стыдливость устранять отъ себя всякіе личные интересы. Пусть эти принципы вамъ будутъ въ особенности священны, мои дорогие сотоварищи, и чѣмъ болѣе общество, среди котораго вы живете, кажется сильно увлеченнымъ къ слѣпому служенію матеріальнымъ удовольствіямъ, даваемымъ богатствомъ, тѣмъ болѣе вы будете возвышаться надъ уровнемъ его, показывая ему контрастъ простоты, умѣренности и безкорыстія, завѣщанныхъ намъ нашими традиціями. Если когда либо вы были расположены уклоняться съ дороги, взгляните на примѣры тѣхъ, которые были для насъ образцами и останутся славой нашего сословія. Увы! зачѣмъ я долженъ, чтобы лучше напомнить вамъ эти великіе принципы, обратиться къ двумъ, только что засыпаннымъ могиламъ, въ мракъ которыхъ схоронены два окаменѣвшихъ сердца и два угасшихъ благородныхъ ума!“

Слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ, ежегодно при перечисленіи всѣхъ умершихъ въ первомъ же засѣданіи по

открытіи стажа воздававшихъ имъ должную хвалу, Жюль Фавръ съ своей стороны дѣлаетъ это, и въ особенности говоритъ тепло о Бетмонѣ и Ліувилѣ. Мы не будемъ здѣсь слѣдить за нимъ подробно: это не входитъ въ нашу задачу. Тѣмъ не менѣе тѣ мѣста рѣчи, которыя обрисовываютъ относительныя достоинства этихъ адвокатовъ, настолько интересны, они настолько ясно указываютъ на идеалы, къ которымъ стремятся или должны стремиться лучшіе и передовые умы адвокатуры, что мы остановимся на нихъ.

Одаренный умомъ широкимъ и глубокимъ, неисчерпаемымъ воображеніемъ и большими ораторскими способностями, Бетмонъ усиленными серьезными занятіями выдвинулся очень рано. Послушаемъ, однако, Жюля Фавра. — „Онъ (Бетмонъ) имѣлъ въ себѣ самомъ инстинкты порядка и прекраснаго и вездѣ, куда направлялъ онъ свой умъ, свѣтъ являлся самъ собою, какъ бы естественной игрой его разума, способнаго отличать во всѣхъ предметахъ. Благодаря чудному дару разсѣивать мракъ и торжествовать надъ неизвѣстностью, дѣла, самыя неблагодарныя и самыя трудныя, онъ дѣлалъ легкими и простыми, и всѣ обыкновенно поражались его способностью проникать въ ихъ секреты. Но въ

преи́яхъ о юридическихъ положеніяхъ, въ обрисовкѣ страстей, скорбей и чувствъ, волновавшихъ его кліентовъ, — вотъ гдѣ рельефнѣе всего выступало превосходство его неподражаемаго таланта, вотъ гдѣ онъ остался безъ соперниковъ. Законченный въ своемъ юридическомъ образованіи юри-сконсультъ, онъ не довольствовался изысканіями источниковъ права, но освѣщаль ихъ философіей, такъ что его комментаріи закона указывали одновременно и на первоначальную его связь съ вѣчными и непреложными законами, и на общественныя потребности, его вызывавшія.

Когда онъ касался теоріи права, его рѣчи были свѣтлыми наставленіями, всегда благородными, всегда воодушевленными самыми высокими и чистыми идеями. Когда же онъ оспаривалъ факты, онъ являлся трогательнымъ образцомъ граціи и аттицизма. Никто не имѣлъ такого могущественнаго дара трогать сердца и никому не досталось въ удѣлъ такой дѣйствительной чувствительности; казалось, вся его душа, покинувъ свою земную оболочку, парила въ высокихъ небесахъ; казалось, онъ дѣлается игрушкою охватывающаго его вдохновенія, тогда какъ онъ самъ царилъ съ рѣдкимъ искусствомъ надъ этимъ вдохновеніемъ, которое разражалось въ такихъ по-

бѣдныхъ звукахъ, что надо было перестать его слушать, чтобы противостоять ему...

Впрочемъ, Бетмонъ не только извѣстный адвокатъ, но и хорошій человѣкъ, готовый всякому придти на помощь, вѣрный другъ съ добрымъ, благороднымъ и нѣжнымъ сердцемъ. Сынъ булочника, онъ много терпѣлъ нужды въ юности, и многими терпѣніями былъ усыпанъ его путь, пока упорствомъ и трудомъ онъ не прославился и не обезпечилъ болѣе или менѣе своей семьи.

Не менѣе славенъ Ліувиль.

Его сильный методическій и здравый умъ былъ прекрасно приспособленъ къ юридическимъ преніямъ. Онъ схватывалъ истину быстро и вѣрно, и угадывалъ заранѣе возраженія, которыя могла встрѣтить его рѣчь. Это былъ человѣкъ дѣловой въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Лишь люди невѣжественные могутъ видѣть въ такомъ названіи умаленіе достоинства адвоката; говоря по правдѣ, это лучшая для него хвала. Дѣловой человѣкъ, такъ, какъ я его понимаю и какъ понималъ его Ліувиль, тотъ, кто, не колеблясь, угадываетъ настоящую суть споровъ и, опытной рукой отстраняя побочныя детали, обнаруживаетъ козни, даетъ средства противъ нихъ и среди лабиринта процедуры и актовъ ука-

зываетъ на свѣтлую нить, не позволяющую заблудиться. Ліувиль владѣлъ въ высшей степени всѣми этими цѣнными качествами, развивая ихъ безпрестанно упорнымъ трудомъ, ежедневнымъ ученіемъ и вдохновеніями благородной чистой души. Его жизнь была жертвою долгу; никто о долгѣ не имѣлъ такой строгой идеи и никто больше не потратился на него. Его подготовки были всегда тщательны и полны. Очень обремененный дѣлами, онъ всегда зналъ ихъ хорошо и основательно, и никакія детали ихъ не могли отъ него ускользнуть и быть ему неизвѣстны. Смѣло приводя свои доводы и уничтожая силою логики возраженія, дѣлавшіяся ему на судѣ, казалось, онъ олицетворялъ собою самую понятія ума, знанія, честности. Его рѣзкое слово было твердо и справедливо, и, слушая его, чувствовалось, что, не забывая и не увлекаясь ничѣмъ, онъ былъ для судьи путеводителемъ такимъ же вѣрнымъ, насколько былъ полезнымъ совѣтникомъ для своего кліента... Я всегда удивлялся, какъ онъ носилъ легко такое бремя, тяжесть котораго всякому другому была бы не по плечу“...

Однако, Ліувиль находитъ время заниматься литературой, знаетъ почти наизусть Мольера и Расина, и кстати цитируетъ

Виргилія и Горация. Онъ имѣетъ иѣжное и благородное сердце, помогаетъ младшимъ товарищамъ по профессіи и любимъ всѣми коллегами...

Въ Италіи, куда его послали доктора, онъ взялся за него для защиты правъ одного изъ своихъ соотечественниковъ. Статья Лувиль возмутила французскаго министра, который въ открытомъ посланіи осмыслъ бранью славнаго и большаго оратора.

„Авторъ посланія, замѣтилъ Лувиль, не знаетъ еще, что оскорбленіе и клевета суть сознаніе безспія. Онъ не знаетъ, что, когда адвокатъ, достойный этого званія, взялся за законное дѣло, запугиваніе не доходитъ до его сердца; наконецъ, ему надо помнить, что если бы даже этотъ адвокатъ не устоялъ, другіе бы немедленно заняли его мѣсто, потому что объ этихъ мужественныхъ защитникахъ права и истины можно сказать тоже, что о вѣчно цвѣтущей и вѣчно возраждающейся золотой вербѣ, воспѣтой безсмертнымъ поэтомъ, могилу котораго хранить Неаполь“.

И Палье, и Бстмонтъ, и Лувиль завѣщали каждый по 10 тысячъ франковъ, проценты съ которыхъ составляютъ преміи, выдаваемыя лучшимъ стажерамъ.

„Для насъ, ихъ современниковъ и дру-

зей, говорить Жюль Фавръ, не было надобности въ этихъ трогательныхъ знакахъ ихъ неизмѣнной преданности сословію. Смерть могла отнять ихъ у насъ, но она не разъединила насъ. Если мы не можемъ болѣе жать ихъ честныхъ рукъ, мы все же съ ними и останемся имъ вѣрны до конца. Мы найдемъ ихъ среди васъ, мои молодые и дорогіе сотоварищи“ *)...

Вторая рѣчь Жюля Фавра сказана 16 ноября 1861 года; по формѣ и содержанію она болѣе закончена и болѣе интересна, чѣмъ первая, только что приведенная нами рѣчь.

Выяснивъ, въ чемъ заключается *братство и сотоварищество*, ораторъ послѣдовательно разблпрастъ всѣ обязанности адвоката какъ къ *клиентамъ*, изъ которыхъ *бѣдные и женщины* должны пользоваться особыми преимуществами, такъ и къ *суду*. Начиная съ *помѣщенія и кабинета* адвоката, Жюль Фавръ копчаетъ высшими его идеалами, касаясь мнмеходомъ *значенія судьи* и горячо настаивая на *трудѣ*. *Простота, суровость нравовъ, безкорыстіе, упорный трудъ, честность, безусловное поклоненіе долгу*,—таково должно быть знамя адвокатуры.

*) р. 688—710. Jules Favre. *Pla doyers politiques et judiciaires*, par M-me V-ve Jules Favre. T. 1, Paris 1882.

„Товарищеское чувство, говоритъ Жюль Фавръ, умѣряя рѣзкость преній и чаруя своей фамиллярной до трогательности откровенностью, придаетъ такимъ образомъ нашимъ взаимнымъ отношеніямъ особенную сердечность, которую напрасно бы искали въ другомъ мѣстѣ.

Древній міръ не знаетъ такого сотоварищества, созданнаго общностью обязанностей и работъ. Оно явилось послѣ принятія христіанства и въ особенности обнаружилось въ средніе вѣка; тогда оно сдерживало грубое насиліе, подготавливая возрожденіе свободы; и по мѣрѣ того, какъ идея о правѣ освобождалась отъ мрака, которымъ окутывали ее невѣжество и насиліе, чувство сотоварищества росло и крѣпло. „Наше братство, будучи религіознымъ наслѣдіемъ мпнувшихъ преданій, въ то же время воодушевлено и освѣщено разумомъ нашего столѣтія. Его дѣйствительное величіе заключается въ неутомимомъ самоотверженіи въ поискахъ того, что справедливо, и въ защитѣ того, что законно. Посвятившіе свою жизнь такой миссиі ясно чувствуютъ, что образуютъ въ государствѣ корпорацію, первый законъ которой — тѣсная солидарность. Уважать и любить другъ друга, сердечностью отношеній заботливо предупреждать неизбежное

столкновеніе мелкихъ страстей, быть строгими, деликатными и прямодушными до мелочей, другъ другу помогать и другъ друга поддерживать въ испытаніяхъ, избѣгать, какъ огня и смерти, успѣха цѣною униженія своего противника, рукоплескать таланту своего соперника, соединиться наконецъ воедино тѣсными и сильными узами ума и сердца, чтобы бороться противъ произвола и несправедливости—вотъ что я называю соговариществомъ...“ Затѣмъ Жюль Фавръ начинаетъ высказывать „нѣкоторыя простыя истины, на которыхъ покоятся величіе и сила адвокатуры“.

Онъ входитъ въ *домъ адвоката*; онъ-бы желалъ найти помѣщеніе скромное, ибо наше жилище указываетъ на наклонности нашей души. Онъ осуждаетъ роскошь и суетность. Тѣ, которые воспользовались-бы ими, какъ вувѣской, упали бы ниже фиגлярровъ. Ихъ развращающій примѣръ бросилъ-бы юношество на гибельную дорогу. Пусть оно повѣритъ моему опыту: успѣхъ идетъ къ заслугамъ, а не къ нарядамъ. Пусть, поэтому, оно приметъ за точки опоры *знаніе и добродѣтель*, а не фальшивые брилліанты роскоши...

Великій моралистъ 18-го столѣтія участь, каковы должны быть заботы адвоката. Обязанность адвоката, говоритъ Ла-

брюеръ, тяжела и трудна... его домъ не служить для него мѣстомъ отдохновенія и покоя, ниже убѣжищемъ отъ тяжущихся: онъ открытъ для всѣхъ, удручающихъ его своими вопросами и своими сомнѣніями... Онъ находитъ отдыхъ отъ долгаго и утомительнаго разговора въ долгомъ писаніи, и труды смѣняются для него лишь трудами... Главнымъ украшеніемъ скромнаго помѣщенія адвоката служатъ *книги*; здѣсь онъ ожидаетъ, но никогда не ищетъ тѣхъ, которыхъ влекутъ къ нему его хорошее реноме, блескъ его преній, его заботы о несчастныхъ и его щепетильная добросовѣстность къ вѣреннѣмъ ему дѣламъ. Число послѣднихъ увеличивается тѣмъ скорѣе, чѣмъ большею для себя обязанностию онъ сдѣлаетъ усердіе. Уваженіе къ обществу, съ которымъ онъ входитъ въ общеніе, всегда мнѣ казалось самымъ первымъ и важнымъ примѣненіемъ обязательнаго для него закона самоотверженія. Къ намъ обращаются страдающіе, и пусть доступъ къ намъ всегда будетъ легкій, чтобы, касаясь нашего порога, всѣ считали себя у себя дома и чтобы сильные міра сего не могли никому запретить пользоваться этимъ уюбищемъ.

Поэтому, онъ долженъ быть въ лучшемъ

смыслъ слова покровителемъ своего кліента...

Часто въ тиши кабинета я видѣлъ драматическія сцены, неожиданные эффекты, краснорѣчивые крики страсти или комическія примиренія такой силы, что я сожалѣю, что не успѣлъ ихъ отмѣтить на лету. Это значить, что человѣческая природа показывается намъ безъ прикрасъ, и чувство личнаго интереса, поднявъ съ нея покрывало, открываетъ намъ наголо слабости и пороки. Мы видимъ, какъ вспыхиваютъ во всеѣ ихъ причудливости ненависть, низость, желанія, лукавство и двоедушіе. И напротивъ, сколько скрытаго ото всѣхъ героизма открывается намъ! сколько затаеннаго горя угадывается нами! сколько тайно приносимыхъ великихъ жертвъ, всю цѣну которыхъ дано знать лишь намъ! Этотъ безпрестанный анализъ чувствъ и мыслей есть, конечно, самая занимательная и поучительная изъ всѣхъ наукъ. И если этотъ анализъ унижаетъ насъ порою зрѣлицемъ несчастій, за то онъ дѣлаетъ насъ сострадательными и снисходительными, и, представляя намъ необъяснимый контрастъ ничтожества и величія человѣка, ведетъ насъ къ безконечному, изъ котораго мы выходимъ, чтобы въ немъ же затеряться, пройдя короткую столбку этой жизни, гдѣ

все, начиная съ самихъ насъ, для насъ неизвѣстность, противорѣчіе и ничтожество.

Но адвокатъ не остается холоднымъ созерцателемъ всѣхъ этихъ перипетій человеческой комедіи. Его практическая роль заранее опредѣлена: онъ медикъ души. Разрѣшая затрудненія и сомнѣнія, онъ указываетъ на путь правды, болѣе того, — путь успокоенія, утѣшенія и одобренія. Любящей, но твердой рукой ощупывая тайныя раны сердца, онъ успокаиваетъ муки смущенной совѣсти; ему достаточно одного слова, одного взгляда, чтобы раскрыть то, что стыдъ или смущеніе открываютъ ему на половину: о немъ именно и сказано, что ничто не чуждо ему, что касается человека. Сочувствуя всѣмъ страданіямъ, подымая унавішій духъ, онъ заставляетъ улыбку надежды блестѣть сквозь слезы, и если онъ видитъ предъ собою рану неисцѣлимую, онъ съумѣетъ еще добрымъ словомъ и воззваніемъ къ высшему чувству усладить ея горечь.

Выполненіе этой благородной миссіи необходимо требуетъ доброты, безъ которой всѣ остальные качества ничего не значать....

Жанъ Жакъ замѣтилъ основательно: „можно всему противостоять, исключая доброты, и нѣтъ болѣе вѣрнаго средства

пріобрѣсти любовь другихъ, какъ давъ и свою“....

Адвокатъ, когда онъ содрогается, возмущается и беспокоится съ своими кліентами, не мыѣтъ ни прибыли, ни даже славы, но лишь сочувствіе къ своимъ кліентамъ, и чѣмъ болѣе проникается его душа этимъ благороднымъ пыломъ, тѣмъ онъ могущественнѣе, но сердце оплодотворяетъ умъ, ведетъ людей и двигаетъ власть.

Нѣкоторые, я это чувствую, обвиняя меня въ рыцарскомъ преувеличеніи, выставляютъ вамъ на видъ обыкновенныя общія мѣста о *неблагодарности кліентовъ*. Еслибъ всѣ люди были признательны, человѣчество было бы совершенно, но мы до этого еще не доросли. Я не отрицаю, зло существуетъ. Оно оскорбляетъ насъ тѣмъ болѣе, что мы его не понимаемъ, и забвеніе объ оказанной услугѣ возмущаетъ нашъ умъ такъ-же, какъ и наше сердце. Но рядомъ съ этими многочисленными примѣрами, оскорбляющими насъ, мы верѣчаемъ часто взаимъ нашего усердія чистосердечную самоотверженность, полную довѣрія, привязанность наивную, иногда экзальтированную....

Если иногда я былъ пораженъ и огорченъ преступнымъ равнодушіемъ, за то почти всегда, да будетъ это извѣстно, я получалъ

заранѣе желаемую награду, это живое изліяніе души, свидѣтельствующее лучше всякихъ словъ о волненіи глубокаго чувства. Многіе изъ моихъ кліентовъ утѣшали меня при проигрышѣ ихъ процессовъ. Въ критическихъ и полптическихъ обстоятельствахъ они приходили ко мнѣ, секретно предлагая въ мое распоряженіе свои руки и свои кошельки.

Нѣтъ адвоката, который бы послѣ долгой практики не пришелъ къ заключенію, что онъ вмѣсто пустыхъ богатствъ пріобрѣлъ любовь, уваженіе и привязанность множества людей, сохраняющихъ память о немъ, и мысль его такъ сладко отдыхаетъ на нихъ.

Къ тому же, мои дорогіе сотоварищи, если бы даже все это была одна иллюзія, все же слѣдовало бы безкорыстно служить добру, повторяя эти прелестныя слова, которыя я заимствую у одной великой женщины: «рѣшеніе самое короткое во всѣхъ вопросахъ жизни, не оставляющее намъ никакого сожалѣнія, предаться добротѣ, не доискиваясь слишкомъ, достойны ли ея другіе и будутъ ли признательны за нее».

И если бы въ нашихъ отношеніяхъ къ кліентамъ доброта была исключеніемъ, *блѣдныя* имѣли бы право требовать на нее привилегію. Наше сословіе всегда имъ помо-

гало. Но недостаточно еще давать имъ совѣты, защищать ихъ, нужно ихъ уважать, надо стараться сгладить нашимъ уваженіемъ разстояніе, которое несправедливость судьбы положила между нами и ими. По отношенію къ нимъ въ особенности мы должны быть терпѣливы и мягки. Пускай въ пышныхъ чертогахъ счастливецъ нашего столѣтія ихъ присутствіе покажется обиднымъ торжествующему благоденствію, я понимаю это; присутствие же ихъ среди насъ — живой символъ законнаго и христіанскаго братства, адептами которыхъ являемся мы. Облегчать ихъ горе и поправлять ихъ ошибки, поддерживая ихъ на пути жизни, усыпанномъ для нихъ лишь терніемъ, не правда-ли таково естественное, непринужденное слѣдствіе принциповъ и вѣрованій этого братства?....

Послѣ бѣдныхъ, или, если хотите, наравнѣ съ ними идутъ *слабые и униженные*, никогда не прибѣгающіе къ вамъ напрасно. И почему не сказать слова два о *женщинахъ*, семейное несчастье или матеріальныя стѣсненія которыхъ заставляютъ ихъ; забывъ застѣчивость ихъ пола, прибѣгнуть къ нашимъ познаніямъ? Неумолимое въ своихъ предразсудкахъ и страстяхъ, общество несправедливо по отношенію къ нимъ. Подвергаясь тысячамъ опасностей, оди-

наково опасаясь благорасположенія, какъ и высокоумія, окруженныя корыстной лестью, фальшивой дружбой, замаскированнымъ вѣроломствомъ, онѣ знаютъ, кому довѣряться и какъ себя вести. Жертвы обычаевъ и законовъ, онѣ чувствуютъ недостаточность своего воспитанія, когда уже поздно излечить зло и когда событія, къ которымъ онѣ никогда не бывають подготовлены, даютъ въ ихъ неумѣлыя руки трудную власть....

Нашъ кабинетъ — святилище, и жепщина, перешагнувшая за нашъ порогъ, должна слушать лишь серьезныя рѣчи....

Это ежедневное и тѣсное общеніе адвоката съ кліентами представляетъ ему безпрестанный случай упражнять умъ и дѣлать добро.

И блестящій умъ адвоката болѣе называется въ кабинетѣ, чѣмъ въ судѣ. Въ кабинетѣ могучая прозорливость освѣщаетъ мракъ самыхъ трудныхъ вопросовъ: здѣсь въ особенности свободно, смѣло и съ суровой откровенностью излагаются мнѣнія, диктуемая лишь любовью къ истинѣ и щекотливостью совѣсти. Сколько разъ пытаются вывѣдать у адвокатовъ искусныя средства, могущія упрочить успѣхъ подозрительной комбинаціи! Быстро угадывая западню, неспособные къ

уверткамъ, они болѣе заботятся объ уваженіи самихъ себя, чѣмъ объ угожденіи кліентамъ, и ихъ совѣты носятъ всегда отпечатокъ искренняго прямодушія, составляющаго основу ихъ природы.

Вы пойдете по этимъ благороднымъ стопамъ, мои дорогіе сотоварищи, и не забудете никогда, что наше *снисхожденіе* по отношенію къ дурному поступку равносильно соучастію. Мы видимъ души, терзаемыя искушеніями, и часто мудрые совѣты, твердое замѣчаніе и честныя слова поддерживаютъ того, кто еще колеблется подъ тяжестью злаго умысла.

Низкое угожденіе способствовало бы его паденію. Дѣйствительное величіе нашей должности заключается болѣе въ правдивости, чѣмъ въ блескѣ. Мы сильны истиной, защитниками которой мы стоимъ. Покинуть ее-было бы равносильно нашему уничтоженію, измѣнить ей значило бы опозориться. Какое вѣроломство болѣе гнусно, чѣмъ то, которое, будучи совершено подъ тѣнью, пользуется неответственностью совѣта, даннаго неизвѣстнымъ совѣтникомъ? Адвокатъ никогда не долженъ терять изъ виду идею справедливаго, царящую надъ ввѣренными ему интересами, и все, что противно справедливости, недостойно его....

Пренебрегая искусной хитростью и двусмысленными средствами, онъ всегда предпочитаетъ скорѣе оставаться правдивымъ, чѣмъ слыть искуснымъ; о немъ написалъ Лабрюеръ, что хитрость ненавистна, какъ залогъ мошенничества.

Настоящіе принципы руководятъ имъ также во всегда столь необходимой работѣ изученія и подготовки дѣла. Недостаточно, въ самомъ дѣлѣ, совѣщаться съ кліентами, заботливо рассматривая ихъ бумаги. Эти предварительныя замѣтки выясняютъ въ сущности лишь главныя стороны и главныя опоры защиты; то все лишь наброски; трудъ же начинается тогда, когда онъ получаетъ оригинальный отпечатокъ того, кто задумалъ и постигъ его. И подобно тому какъ мысль художника, облагораживаясь, воплощается въ дѣйствительность, когда съ кистью или рѣзцемъ въ рукѣ онъ преслѣдуетъ, съ пыломъ, идеаль, божественный образъ котораго онъ носитъ въ своей душѣ, точно также, благодаря могучимъ усиліямъ уединеннаго и сосредоточеннаго размышленія, адвокатъ видитъ, какъ, мало-по-мало освобождаясь изъ мрака, являются предъ нимъ живые, воодушевленные, рельефные образы, связанные одинъ съ другимъ и олицетворяющіе своимъ гармоничнымъ порядкомъ поразительную картину волнующую

пихъ его впечатлѣній. Тогда, сплюю логики приводя въ порядокъ всѣ свои впечатлѣнія, онъ анализируетъ, изучаетъ, развиваетъ, прикрашиваетъ эти образы, сокращая все, что шокировало бы мѣру и вкусъ, не забывая никогда требованій слушателей, къ которымъ ему придется обратиться, и принципиально выправляя то, что въ особенности можетъ нравиться и увлечь ихъ.

Овладевъ такимъ образомъ исполнѣ своимъ предметомъ и напрягая всѣ силы своей души, ораторъ воспламеняетъ въ своей груди таинственный огонь, который пожираетъ его ранѣе, чѣмъ распространить вокругъ его магическую теплоту. Не даромъ Тацитъ говоритъ въ діалогѣ своемъ: «великое краснорѣчіе — пламя, оно нуждается въ пищѣ и возбужденіи, оно освѣщается, пожирая».

Я знаю, всѣ дѣла не поведутъ къ этимъ сплннымъ волненіямъ, служащимъ прекрасными союзниками защиты, когда дѣло касается возвышенныхъ вопросовъ, практическихъ событій или споровъ, гдѣ ставится на карту честь; въ обыкновенныхъ случаяхъ трудъ оратора сводится къ простой мотивировкѣ дѣла. Но ни одна рѣчь не можетъ обойтись безъ подготовки и изученія. Довѣряться случайностямъ им-

провизаціи равносильно высшему неува-
женію по отношенію къ судьямъ и въ то же
время опасно и безразсудно. Великіе ма-
стера съ релігіозною щепетильностію из-
бѣгали такой ошибки.

Цитируя Плутарха, указывающаго на
всегдашній добросовѣтный трудъ Демос-
фена, Жюль Фавръ продолжаетъ: «автори-
тетъ такого примѣра избавляетъ насъ отъ
дальнѣйшихъ разсужденій, и тѣ только
удивятся, которые не дали себѣ отчета въ
трудностяхъ и опасностяхъ, всегда окру-
жающихъ оратора. Его искусство самое воз-
вышенное, но также самое капризное. Дос-
тигнуть его вершины—мечта; приблизить-
ся къ ней—счастливый удѣлъ немногихъ.
Но и эти счастливцы могутъ сохранить
свое положеніе лишь путемъ упорнаго труда.

Если они предаются спѣси или слабости,
они пропали. Подобно древнимъ атлетамъ,
которые никогда не покидали гимнастиче-
скихъ упражненій, они нуждаются въ
ежедневномъ подкрѣпленіи и закалываніи
себя работой, и каковы бы ни были за-
служенные ими аплодисменты, они ви-
дять, какъ играть надъ ихъ трудомъ,
всегда неполный, невыразимый и тайн-
ственный лучъ совершенства, воспламе-
няющій сердце человѣка никогда ненасыт-
нымъ чувствомъ усовершенствованія, но, къ

его вѣчному отчаянію, роковымъ образомъ ускользающій и блѣднѣющій, разъ коснулся его разума и воплотился въ извѣстную идею.

И какимъ бы образомъ ораторъ обошелся безъ этого закона упорнаго труда, когда онъ — непзбѣжное условіе всякаго существованія. Жизнь — лишь борьба, въ которой побѣда принадлежитъ сильнѣйшему.

И, не раздѣляя мнѣнія тѣхъ, которые низводятъ гнѣй до простаго долгаго терпѣнія, можно, однако, повторить съ поэтомъ: упорный трудъ преодолеваетъ всѣ препятствія, и безъ него самый совершенный талантъ остается безплоденъ.

Вдохновеніе недостаточно, оно не замѣняетъ ни юридическаго знанія, ни глубокаго знакомства съ фактами. Что я говорю! Божественное и настоящее вдохновеніе озаряетъ лишь умъ, вполне овладѣвшій дѣломъ, о которомъ онъ желаетъ говорить... Если оно будетъ предаваться случайностямъ, оно можетъ ослѣплять, но не увлечь; убѣждать — значить знать и чувствовать, а это двойное сокровище принадлежитъ только мужеству, размышленію и труду.

Но все-ли это, мои дорогіе сотоварищи? Сила адвоката не покоится ли на основѣ болѣе глубокой и солидной? Честность, безъ которой онъ былъ бы жалкимъ гаеромъ,

не должна ли сама по себѣ имѣть какую-нибудь неизмѣнную точку опоры? И такимъ прочнымъ и постояннымъ элементомъ не является - ли характеръ, т. е. убѣжденіе, покоящееся лишь на разумѣ и постоянномъ приспособленіи къ нему всѣхъ своихъ дѣйствій?

Да, именно этому характеру мы даемъ законное предпочтеніе невольно предъ всѣми прочими, преклоняясь предъ нимъ. Правда, люди могутъ иногда быть ослѣплены блескомъ славы, они могутъ иногда рукоплескать успѣхамъ силы, и, слѣдуя въ пыли за колесницей побѣдителя, которая ихъ давить, испускать радостные крики; спуститесь, однако, въ глубь ихъ совѣсти и вы увидите, что они восхищаются и уважаютъ того, котораго сила не восторгаетъ и не повергаетъ въ прахъ и который, видя самое великое свое счастье въ вѣрности своимъ мнѣніямъ и привязанностямъ, безкорыстно и самоотверженно служить себѣ подобнымъ“.

Жюль Фавръ замѣчаетъ, что честность становится въ обществѣ рѣдкой чертой... Подвергаясь обычному игу господствующихъ нравовъ, ослѣпленные преувеличенной заботой о меркантильных интересахъ, ошеломленные суетностью удовольствій, мы не вооружаемъ нашего разсудка неза-

висимостью, этимъ необходимымъ атрибутомъ его главенства... Въмѣсто того, чтобы подвергать свободному анализу нравственные истины, на которыхъ должны покоиться наши вѣрованія, мы принимаемъ безъ контроля заблужденія, укоренившіяся съ давнихъ поръ, и склонны болѣе утверждать, чѣмъ размышлять и изучать. Поэтому, при первомъ-же серьезномъ столкновѣнїи наши вѣтренныя идеи смущаются; наше предполагаемое постоянство колеблется и мы измѣняемъ нашимъ собственнымъ доктринамъ...

Плавая безъ компаса, мы дѣлаемся игрушкою случая, безпокоясь уже не о направленїи, которому должны слѣдовать, но о гавани, въ которой будемъ въ безопасности мы и наши богатства. Такъ именно измѣняется въ насъ понятіе истины, единственнаго источника добра, а исключительный культъ личнаго интереса доканчиваетъ наденіе. Жить для себя, разбогатѣть въ одинъ прекрасный день, ослѣплять своей пышностью, быть въ силѣ или тайно вкушать наслажденія изнѣженныхъ удовольствій—такова мечта цетерифливыхъ поколѣній, которыя бросаются въ жизнь, снѣдаемая страстной жаждой этого грубаго счастья.

Здѣсь Жюль Фавръ, опираясь на Та-

цита и Ювенала, дѣлаетъ весьма интересную и живую картину паденія нравовъ Римской Имперіи.

Эти страшные уроки исторіи не только служатъ наставленіями для націй, они также показываютъ отдѣльнымъ лицамъ, куда ведутъ забвеніе основныхъ принциповъ, жертвованіе честнымъ полезному и необузданная любовь къ богатству; они указываютъ, что общество, поправшее право, приговорено къ смерти.

Но чтобы сохранить свое достоинство отъ невѣжества, пренебреженія или рабства, чтобы противостоять обольщеніямъ сильныхъ и коварству искусныхъ, надо, возвысивъ душу выше страха, освободить ее отъ всякаго честолюбія, презирая популярность, какъ и богатство, и слѣдуя лишь одному путеводителю—долгу.

Такая независимость столь же вамъ необходима, мои молодые коллеги, если вы стремитесь къ отвѣтственной судейской должности. Вы бы были ея недостойны, еслибы, вскормленные знаніемъ, просвѣщенные философіей, съ самихъ раннихъ поръ вы не рѣшились твердо повиноваться одной лишь совѣсти. Я не въ состояніи подробно разъяснить всѣхъ суровыхъ обязанностей, которыя должны быть необходимыми условіемъ этого званія. Заботиться

и думать лишь объ общественномъ благѣ, посвятить всѣ свои силы изученію законовъ и изслѣдованію, часто скучному, дѣль, зрѣло взвѣшивать каждую деталь и считать себя удовлетвореннымъ лишь по выслушаніи всего, быть въ одно время человѣчнымъ и твердымъ, ласковымъ и терпѣливымъ, не поддающимся вліяніямъ, держать безпристрастной рукой равныя вѣсы между общественной властью и индивидуальнымъ правомъ — таковъ далеко недостаточный перечень необходимыхъ для судьи качествъ. Владѣй онъ ими вполне, все же онъ будетъ ниже своей миссіи, если въ характерѣ не почеркнетъ онъ себѣ высшей гарантіи. Съ такими же качествами онъ недоступенъ уже лести, какъ и угрозамъ...

Но чтобы среди всѣхъ обольщеній и слабостей испорченнаго общества оставаться вѣрнымъ добродѣтели, надо изъ своихъ принциповъ создать себѣ вѣру, сохраняя свое сердце настолько чистымъ, чтобы никакая слабость не могла его одолѣть. Чело подобныхъ людей отмѣчено ореоломъ: ихъ поступки чтимы, ихъ рѣчи — законъ, ихъ примѣры — идеаль. Украшая собою свою эпоху, они господствуютъ надъ современниками и оставляютъ послѣ себя свѣтлый и плодотворный слѣдъ, по кото-

рому потомство узнаеть признаки настоящей добродѣтели.

Приводя массу примѣровъ, изъ которыхъ видно, что французскіе адвокаты умѣютъ честь ставить выше богатства и держаться на высотѣ своего призванія, маститый ораторъ продолжаетъ:

„На ногахъ и твердые—вотъ нашъ девизъ: На ногахъ за несчастье и долгъ, твердые по отношенію къ праву“.

Затѣмъ Жюль Фавръ заканчиваетъ рѣчь указаніемъ на одинъ прекрасный обычай, укоренившійся среди сословія.

„Не правда ли обычай и трогательный, и полный глубокаго смысла—ежегодно, при открытіи вашихъ работъ, произносить слово торжественнаго прощанія по отсутствующимъ?.. Пусть другіе ищутъ богатства, наша цѣль выше, наше честолюбіе сильнѣе. Оно доходитъ до славы оставить громкое имя, самоотверженностью и краснорѣчіемъ связанное съ самымъ великимъ общественнымъ служеніемъ,—съ твердой и постоянной защитой права.“

Въ одинъ день, и этотъ день придетъ для всѣхъ,—дѣла наши будутъ провѣрены и наша жизнь разобрана.

Не забудемъ никогда, мои дорогіе соотарищи, что всѣ наши усилія должны стремиться къ тому, чтобы мы были до-

стойными примѣрами тѣмъ, кто насъ будетъ судить.... (*)“

Третья и послѣдняя рѣчь старшины Жюля Фавра, посвященная *любви къ труду, уваженію къ истинѣ и прекрасному и безкорыстію*, сказана 16 Августа 1862 г., при закрытіи стажа. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ, объявляя канюкулы, старшины или ничего не говорятъ или ограничиваются двумя, тремя словами, посвященными отдыху.

Однако, великій ораторъ такъ полюбилъ свою должность и такъ горячо привязался къ молодымъ и полнымъ жизни стажерамъ, что въ виду истеченія срока старшинства и опасаясь, что не представится болѣе никогда другаго случая наставлять молодежь, сказалъ слѣдующее:

„Въ этотъ торжественный часъ послѣднихъ прощаній человекъ старается излить свою душу въ нѣсколькихъ словахъ; съ своей стороны я желалъ бы въ нѣсколькихъ словахъ резюмировать все, что я думаю и все, чего я желаю для васъ. Не могу этого лучше сдѣлать, какъ указавъ

*) р. 1—22. Jules Favre. Plaidoyers politiques et judiciaires, par M-me V-ve Jules Favre T. II.

вамъ на три главныя правила: Любовь къ труду, уваженіе къ истинѣ и прекрасному, и безкорыстіе.

Любовь къ труду! — вотъ нашъ основной законъ. Самыя высшія способности не могутъ обойтись безъ него. Остерегайтесь легкихъ успѣховъ. Воображеніе, грація и блескъ языка — естественныя и неоцѣнимыя дары, но безъ упорнаго труда они безплодны....

Наконецъ, не для суетъ риторики мы предназначены. Наука о правѣ — наука о жизни всеобщей. Но если вашъ умъ не можетъ усвоить всего, по крайней мѣрѣ онъ долженъ питаться исторіей, философій и словесностью....

И много усилій, много размышленій, много бессонныхъ ночей необходимо, чтобы, вникая въ детали всякаго дѣла, угадывать секретныя пружины и приводить въ порядокъ доказательства, облачая послѣднія въ ту увлекательную форму, которая могла бы подѣйствовать на всякое убѣжденіе!....

О, насколько заблуждаются моралисты и законодатели, которые изъ труда создали нѣчто въ родѣ роковаго искупленія и, придавъ ему характеръ наказанія, заставили человѣка проклинать его.

Конечно, чрезвычайный трудъ истощаетъ

организмъ и плохо притомъ отзывается на нашихъ умственныхъ способностяхъ, разъ онъ принужденный. Но гдѣ источникъ всѣхъ добродѣтелей, всѣхъ радостей, всѣхъ удовольствій, какъ не въ трудѣ?

Всюду, гдѣ я нахожу его, оживленнымъ разумомъ и свободой, вездѣ я его вижу облагораживающимъ человѣка и отмѣчающимъ печатью независимости и счастья! Да, это точно любовь, точно душа міра, и я могу сказать: суровый, вѣрный другъ, грубый, неизмѣнный товарищъ всей моей жизни, тебѣ я обязанъ всѣмъ. Ты меня спасъ отъ пыла бурныхъ страстей, ты излечилъ глубокія раны, причиненныя мнѣ страшными несчастіями, ты меня поддерживалъ, просвѣтилъ, утѣшилъ; у тебя я въ отчаяніи и слабости своей нашелъ живой оплотъ, и съ нимъ, храбро встрѣчая нападки сильныхъ, я могъ покровительствовать всѣмъ слабымъ; если я искупленъ отъ своихъ ошибокъ, то благодаря лишь тебѣ; я благославляю за это Бога, умоляя его распространять твое благородное сѣмя на эти великодушныя умы, для того, чтобы, благодаря ихъ усиліямъ и ихъ добродѣтелямъ, восторжествовала истина, которая не можетъ долго оставаться плѣнницей на землѣ. Я совѣтую вамъ также, мои

дорогіе сотоварищи, культъ прекраснаго, уваженіе къ формѣ и любовь къ хорошему вкусу, тѣсно связанному съ благопристойностью и достоинствомъ....

Умѣренность, приличіе, вѣжливость и изящество—самыя вѣрныя средства для сохраненія среди насъ духа сотоварищества, въ которомъ заключается наша дѣйствительная сила. Парить мыслью, совершенствовать свой языкъ, избѣгать тривіальностей—вотъ, что значитъ приобрести неоспоримыя и законныя преимущества и удостоиться уваженія общества, вниманія судей и симпатій честныхъ и разборчивыхъ людей. Нерадѣніе, небрежность и презрѣніе ко всякому украшенію скомпрометировали бы очень скоро эти преимущества, уменьшили бы авторитетъ, унизили бы рѣчь, уничтожили бы престоіе. Не забудьте никогда, мои дорогіе сотоварищи, что въ ораторскихъ преніяхъ побѣда принадлежитъ тому, кто умѣетъ плѣнять. Пусть логика и страсть будутъ его оружіями, но пусть онъ придастъ имъ блескъ, усиливающій ихъ значеніе...

Секретъ этого блеска заключается въ возвышенности чувствъ, облагораживаемыхъ безкорыстіемъ. Въ тотъ день, когда традиція безкорыстія исчезнетъ изъ сословія адвокатовъ, краснорѣчіе и достоинство будутъ

изгнаны оттуда, ибо стремленіе къ наживѣ губить въ зародышѣ все великое, убивая независимость всякаго искусства и унижая и человѣка, и его рѣчь. Я знаю, что всякій трудъ заслуживаетъ награды и что вначалѣ она не легка, не прочна и сомнительна. Кто изъ насъ не испыталъ этого?—Лучшія средства смягчить и укоротить испытаніе—простота жизни, презрѣніе къ наживѣ и усердіе къ интересамъ несчастныхъ. И я бы многое далъ, чтобы не упомянуть здѣсь, сколько причинили мнѣ горя и униженія нѣсколько отказовъ, правда, очень рѣдкихъ,—молодыхъ адвокатовъ, необремененныхъ занятіями, но не устыдившихся устранять себя отъ защиты только потому, что она была даровая. Ихъ старыя товарищи покраснѣли бы высказать такую алчность, которую уже одно приличіе обязывало бы скрыть.

Что же! Такое нарушеніе нашихъ принциповъ не только ошибка, но еще актъ въ высшей степени предосудительный. Самый вѣрный путь для законовъ успѣха—безкорыстіе и самопожертвованіе

.

Интрига и алчныя желанія могутъ повести къ богатству, и тогда пріобрѣтаютъ его, заслуживъ презрѣніе общества, но я никогда не замѣчалъ, чтобы въ на-

нихъ рядахъ отсталъ тотъ, который, будучи надѣленъ способностями, желалъ честно исполнять свой долгъ: награда всегда пропорціональна труду, и чтобы получить ее, надо сперва заслужить, а потомъ умѣть ее ждать.

Безкорыстіе, которое я вамъ совѣтую, служа вѣрнымъ залогомъ вашего успѣха и удовлетворенія вашей совѣсти, должно быть для васъ какъ-бы священной обязанностью, главнымъ правиломъ и руководящимъ началомъ во всѣхъ рѣшеніяхъ вашей жизни.

Предоставьте посредственнымъ натурамъ жалкое стремленіе къ почестямъ, низкіе расчеты суеты и лести сильнымъ міра сего; ваша доля завиднѣе и эти фальшивыя блага не могутъ и не должны увлечь васъ.

Что касается меня, я никогда не зналъ лучшей доли. Правда, меня часто упрекали, что я предаюсь иллюзіямъ; вотъ уже тридцать лѣтъ эти иллюзіи продолжаютъ, и я смотрю на нихъ, какъ на истины; я не много потерялъ отъ того и теперь я прошу лишь одного—оставить ихъ въ наслѣдіе тѣмъ, которые придутъ послѣ меня и за мною.

Да, по моему, нѣтъ ничего болѣе благороднаго, какъ это обязательное служеніе

защитѣ права, нѣтъ ничего болѣе великаго, какъ эта возможность толковать публично законъ и, глядя правосудію прямо въ лицо, съ почтительной рѣшимостью становиться между нимъ и нашими согражданами“ (*)

Таковы идеалы, таковы высшія цѣли, высшія стремленія французской адвокатуры. Излишне говорить, что многіе ораторы сумѣли усвоить ихъ себѣ, сдѣлавъ ихъ девизамъ всей своей жизни. За примѣрами ходить недалеко; укажемъ на тѣхъ же Шэ д'Есть Анжа и Жюля Фавра. Біографіи ихъ полны захватывающаго интереса и доказываютъ воочію, что адвокаты, если захочетъ, можетъ устоять на высотѣ всѣхъ тѣхъ, повидимому, трудныхъ, неисполнимыхъ правилъ и обязанностей, о которыхъ такъ много, такъ настойчиво и убѣдительно твердятъ почтенные старшины великаго сословія. Къ сожалѣнію, ни мѣсто, ни время не позволяютъ намъ приводить біографическихъ данныхъ, и тѣмъ не менѣе, мы не можемъ не сослаться на два эпизода, одинъ изъ жизни Шэ д'Есть Анжа, другой — Жюля Фавра, два эпизода, достаточно ярко характеризующихъ обоихъ великихъ мастеровъ краснорѣчія.

(*) р. 23—30. Т. II. *ibidem*.

4-го Октября 1847 года Шэ-д'Есть-Анжъ поддерживалъ жалобу министра финансовъ Дюмона противъ редактора газеты „Le Courrier Français“ въ диффамацин. Защитникъ обвиняемаго Мадье де Монжо, называлъ Шэ д'Есть Анжа въ своей рѣчи „адвокатомъ министровъ“.

Тогда великій ораторъ парировалъ этотъ ударъ въ такихъ словахъ:

„Здѣсь было сказано, безъ дурнаго, надо полагать, умысла, одно слово, которое я не могу оставить безъ отвѣта. Мой противникъ подчеркнул вамъ, что лично онъ не былъ *адвокатомъ министровъ*. Я ничей адвокатъ; вы слышите? ничей, и эту независимость, которой я горжусь, я подчеркнул не только въ традиціяхъ моей профессіи, но и во внушеніяхъ моего характера. Я защищалъ свободу, когда ей угрожали, я бы защищалъ ее опять, если бы предстояли ей новыя опасности, я былъ бы всею къ ея услугамъ, если бы только она пуждалась въ моемъ слабомъ голосѣ; я защищалъ и власть, когда несправедливо на нее падали; то было дѣло министра, какъ вы намекали. Когда онъ сдѣлалъ мнѣ честь, избравъ меня своимъ защитникомъ, я разсмотрѣлъ его дѣло съ независимостью, свойственной моему званію, и еслибы я счелъ его сомнительнымъ, я бы

не взялся за него. Но герцогъ Брольи былъ предметомъ нелѣпнаго и гнуснаго обвиненія, которое опровергалось всѣмъ, а его характеромъ болѣе еще, чѣмъ всѣмъ остальнымъ. Его, министра, обвиняли въ заговорѣ и въ роломныхъ прояскахъ противъ дружественной и союзной Франціи державы. Когда онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, оставляютъ ли законы его страны, законы, въ судьбахъ которыхъ онъ принималъ живое участіе, безнаказанными эти грубыя клеветы, когда онъ спросилъ меня, желаю ли я ему помочь въ исканіи правосудія, я принялъ съ удовольствіемъ эту миссію и сталъ адвокатомъ министра.

Точно также, когда человѣкъ, когда-то носившій съ честью и не безъ блеска одежду, которую я ношу, спросилъ меня, слѣдовало ли перенести, чтобы одна газета, называя его воромъ, утверждала, что онъ въ приданое за своей дочерью далъ деньги одного банкира и что, будучи самъ богатъ, онъ протянулъ, однако, руку для лихонимства, когда онъ спросилъ у меня, можетъ ли онъ рассчитывать на меня, на мою поддержку,—я не колебался, и вотъ я опять адвокатъ министра. *Сильные и слабые, когда дѣло ихъ справедливо, имѣютъ одинаковыя права на мою поддержку;*

мой голосъ принадлежитъ остѣмъ, я же никому“ ()*.

30 Апрѣля 1857 года въ Гренобльскомъ судѣ слушалось дѣло дѣвицы Ламерліеръ противъ Делеона. Жюль Фавръ, защитникъ Ламерліеръ, задѣтый за живое слѣданными ему намеками и упреками относительно его прямодушія, вскричалъ:

„И затѣмъ, желаете ли вы, чтобы я шелъ далѣе, чтобы я обнажилъ свое сердце? Нѣтъ ничего проще. Когда М-ле Ламерліеръ предложила мнѣ свою защиту въ Гренобльскомъ судѣ, я плохо зналъ дѣло, о которомъ выражаю теперь свое мнѣніе. Въ первый разъ, когда она стала говорить мнѣ о немъ, я ей сказалъ, кто я. Я — свободный мыслитель, жадно ищущій истину и, еслибы мои принципы, могли быть объявлены въ судѣ, не тѣ принципы, которымъ я слѣдую, и не тѣ, которымъ слѣдовалъ, но тѣ, которымъ я желаю бы слѣдовать, я бы вамъ сказалъ: вѣрить тому, что мой разумъ умѣетъ идти съ независимостью къ отысканію истины, протягивать руку всѣмъ страдающимъ и покровительствовать въ предѣлахъ силъ своихъ слабымъ, униженнымъ и малымъ, свернувъ съ путей великихъ

(*) Affaire de M. Dumon. p. 382 — 383 T. I. Disc. et Plaid. de Chaix d'Est Auge.

и счастливыхъ міра сего, чтобы идти, когда это возможно, утирать слезы и утѣшать горе несчастныхъ.

Такова была бы моя вѣра, таковы были бы мои принципы и я бы прибавилъ къ нимъ: нападать на ложь, срывая маску съ лицемѣрія всюду, гдѣ я ихъ встрѣчу. Какъ же, поэтому, вы желаете, чтобы съ подобными принципами и съ подобными чувствами, когда дѣло, о которомъ вы сегодня произнесете вашъ приговоръ, стало мнѣ извѣстно, я покинулъ людей, по несчастному случаю запутанныхъ въ немъ?...

Вы знаете хорошо, что такое отношеніе къ дѣлу подняло противъ меня шумные упреки и гораздо ранѣе, чѣмъ я появился предъ вами, стали произносить здѣсь втихомолку слова, которыя не были въ состояніи утѣшить меня, но, однако! были мало утѣшительны для слуха. „Какъ говорили мнѣ, вы будете защищать дѣло, противное вашимъ убѣжденіямъ! вы хотите отказаться отъ всего вашего пропавшаго, причинивъ вашимъ врагамъ удовольствіе видѣть васъ въ ихъ лагерь! вы будете топтать ногами ваши принципы! „Моя принципы? Господа, это — истина и истина прежде всего. Мои враги? — Это ложь и ее распространители! Поэтому, если бы когда

либо я имѣлъ несчастье встрѣтить такихъ людей среди тѣхъ, которыхъ я считаю своими друзьями, я бы разошелся съ ними безъ колебанія и если бы случайно какое-либо исключительное положеніе или какая-либо партія требовали моею подписи подъ рѣшеніемъ, заранѣе постановленнымъ и противнымъ моею совѣсти, объявляю это во всеуслышаніе, господа, я бы покинулъ такую партію, и, не пріученный къ дисциплинѣ солдата, я бы укрылся одинъ въ своей совѣсти и въ любви къ добру“ (*).

(*) p. 487—488. Jules Favre Plaid. polit. et jud. T. I